DK
183
.P5

Class

Book

YUDIN COLLECTION

Podlinnyia bumagi do Bunta Pugachova otnosiashchiasia

ПОДЛИННЫЯ БУМАГИ,

1060
304

ДО

БУНТА ПУГАЧОВА

ОТНОСЯЩІЯСЯ.

МОСКВА.
ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.
1860.

DK183
.P5

Изъ II-й книги «Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ 1860 года.»

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи, представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Іюля дня, 1860 года.

Цензоръ Гиляровъ-Платоновъ.

ВЫПИСКА

ИЗЪ СЛѢДСТВІЯ ОРЕНБУРГСКОЙ СЕКРЕТНОЙ КОММИСІИ

ОБЪ ЕМЕЛЬЯНѢ ПУГАЧЕВѢ.

Прежде вступленія въ матерію самого дѣла, Секретная Коммисія нужнымъ почитаетъ объяснить о мѣстѣ рожденія злодѣя и врага Отечеству, Пугачева, о происхожденіи его состоянія и семействѣ, о службѣ и о самой причинѣ, понудившей его къ побѣгу.

Мѣсто, гдѣ сей извергъ рода человѣческаго на свѣтъ произникъ, есть Казачья Малороссійская Зимовейская станица; рожденъ и воспитанъ по видимому его злодѣянію, такъ сказать, адскимъ млекомъ отъ Казака той станицы, Ивана Михайлова Пугачева, и жены его, Анны Михайловой, которые померли, отецъ назадъ тому лѣтъ съ одиннадцать, а мать два года. Злодѣй имѣетъ у себя брата роднаго, Казака же Зимовейской станицы, которой лѣтъ съ пять какъ посланъ въ походъ и оттуда не возвращался, и двухъ сестеръ, Ульяну и Ѳедосью, находящихся въ замужествѣ, первая за Зимовейскимъ же Казакомъ, Федоромъ Брыканинымъ, которыя и теперь живутъ въ Зимовейской станицѣ, а вторая за поселеннымъ въ Азовѣ Прусакомъ, Симономъ Никитинымъ. Злодѣй, назадъ тому тринадцатый годъ, какъ женатъ Малороссійскаго Казака, Дмитрія Недюжева, которой умеръ, на дочери, Софьи Дмитріевой, съ которою прижилъ сына Трофима, отъ роду ему десять лѣтъ, двухъ дочерей: первой имя Аграфена, отъ роду ей седьмой годъ, второй имя Христина, отъ роду четыре года. И сіи его, жена и дѣти, находятся въ Казани, такъ какъ и племянникъ его родной.

Сей извергъ грамотѣ не умѣетъ, и жена его сказываетъ, что онъ состоянія былъ трезваго, то есть, не пьяница, былъ въ Прусскомъ походѣ четыре года, въ Польшѣ полтора года, да въ Крыму одинъ годъ. А какъ наконецъ въ сіе послѣднее мѣсто командиро-

ванъ онъ былъ вторично, то будучи тогда болѣнъ, нанялъ вмѣсто себя другаго. Служилъ сей извергъ въ Зимовейской станицѣ сперва Казакомъ, но напослѣдокъ, какъ жена сказываетъ, произведенъ былъ Хорунжимъ. Примѣтами онъ: росту средняго, долголицъ и сухощавъ, волосы на головѣ русые, а борода черная съ просѣдью, глаза каріе, на лѣвомъ вискѣ отъ золотухи шрамъ, напереди исподней зубъ еще въ малолѣтствѣ вышибенъ. А какъ выше сего сказано, что оной извергъ нанялъ на службу вмѣсто себя другаго, то, будучи свободенъ, ѣздилъ незадолго передъ побѣгомъ своимъ, то есть, въ началѣ 1772-го году, въ Азовъ за объявленными зятемъ своимъ и сестрою, и привезъ оныхъ въ домъ свой; они гостили у него недѣли съ двѣ и поѣхали назадъ въ Азовъ, но недѣль черезъ пять пріѣхали было опять къ нему, однако жъ жители Зимовейской станицы, подозрѣвая ихъ въ побѣгѣ, по скоромъ ихъ возвращеніи, взяли подъ караулъ и отослали въ городъ Черкаскъ. А какъ они тамо показали на сего злодѣя, что къ побѣгу подговорены имъ, то и его туда потребовали, и онъ, поѣхавъ туда, бѣжалъ въ Польшу въ 1772-мъ году, въ Великой постъ. Вотъ начальная причина его побѣгу.

Сей извергъ въ Польшѣ не долго шатался, ибо въ Августѣ мѣсяцѣ того жъ 1772 года, явясь на пограничномъ форпостѣ и утая прямое свое состояніе, тожъ и мерзкое свое прозвище, назвался раскольникомъ и бывшимъ яко бы прежде Пензенскимъ купцомъ, Емельяномъ Ивановымъ, изъявя притомъ желаніе присоединиться къ таковымъ же выходцамъ, на Иргизѣ поселеннымъ. Почему на томъ форпостѣ и данъ сему гнусному обманщику пашпортъ, на основаніи указнаго повелѣнія, чтобъ онъ явился въ Синбирской Провинціальной Канцеляріи, поелику поселеніе раскольниковъ по Иргизу состоитъ въ вѣдомствѣ оной. Злодѣй, получа такой пашпортъ и, вмѣсто того, чтобъ явиться въ Синбирской Канцеляріи, онъ прямо пришелъ на Иргизъ въ раскольнической скитъ, по начальникѣ, Филаретовъ именуемой, и тутъ объявилъ свой пашпортъ, лжесплетеннымъ вымысломъ полученной. Начальникъ сего раскольническаго скита, проклятой калугеръ, по имени Филаретъ называющейся, забывъ строгое прещеніе, указами имъ предписанное, чтобъ отнюдь никого, на самое краткое время, безъ объявленія въ Присутственномъ Мѣстѣ, къ себѣ не принимать, принялъ сего злодѣя въ свой скитъ подъ видомъ странноприимства и держалъ оного нѣсколько недѣль, не

объявя нигдѣ. Злодѣй, нашедъ, такимъ образомъ, благосклоннаго укрывателя бѣглецовъ и воровъ, не имѣлъ никакой опасности утаевать себя отъ жителей ближняго селенія, но, употребляя во зло выманенной имъ на форпостѣ пашпортъ, назывался выходцомъ и заграничнымъ купцомъ: ибо онъ, бывая часто въ близъ лежащей отъ скита дворцовой Малыковской волости, Мечетной слободѣ, познакомился съ жителями оной и завелъ кумовство, какъ то извѣстно, что онъ у крестьянина, Степана Косова, былъ воспріемникомъ сына, или дочери, отъ купели. Потомъ вздумалъ онъ вступить въ торговлю, а короче сказать, въ злодѣяніе подъ видомъ оной, какъ то ниже сего окажется; однако жъ о намѣреніи принятомъ объявилъ онъ воровскому своему укрывателю, что ѣдетъ въ Яицкой городокъ. разстояніемъ отъ скита, въ которомъ онъ пристанище имѣлъ, верстахъ въ шестидесяти, или семидесяти, покупать рыбы; калугеръ, позволя ему на то, далъ и своихъ нѣсколько денегъ для покупки себѣ. И такъ отправился онъ туда на собственной своей лошади, на которой онъ въ скитъ пріѣхалъ, съ однимъ товарищемъ, Мечетной слободы жителемъ, раскольникомъ, Семеномъ Филиповымъ. Сіе было въ Ноябрѣ мѣсяцѣ того жъ 1772-го года.

Изъ послѣдованія окажется, что сія его поѣздка не для покупки рыбы была, но прямо можно сказать, что онъ туда ѣхалъ съ посѣяннымъ уже на сердцѣ его злымъ ядомъ для зараженія онымъ мстящихся Яицкихъ Казаковъ, которые тогда находились между страхомъ и надеждою отъ слѣдствія, производимаго въ Оренбургѣ о убійствѣ ими Генерала-Маіора фонъ Траумберга, Старшинъ и прочихъ, о чемъ, статься можетъ, наслышался онъ въ мерзкомъ своемъ раскольническомъ обиталищѣ; а поелику всѣ Яицкіе Казаки ревностные подражатели расколу, то можетъ и расказывано ему было съ сожалѣтельной объ нихъ стороны. Сіе заключается по тому, что онъ, пріѣхавъ въ Яицкой городокъ, и по знакомству товарищу его, объявленному Филипову, остановясь въ домѣ отставнаго Яицкаго Казака, Дениса Пьянова, и живши у него семь дней, обзнакомясь, какъ Пьяновъ, по причинѣ происходимаго тогда на Яикѣ слуху, будто бы въ Царицынъ явился Государь Петръ Федоровичь, вступя съ нимъ въ разговоръ о семъ и изъ любопытства спросилъ его, что бы это за причина была, то сей злодѣй такъ, какъ бы уже готовъ былъ на такой вопросъ отвѣтствовать, сказалъ Пьянову: «Это,

де, правда (то есть, что въ Царицынѣ явился Самозванецъ), и онъ де, подлинной Царь, Петръ Федоровичь; и хотя, де, его въ Царицынѣ поймали, однако жъ онъ ушелъ, а вмѣсто его замучили другаго.» А какъ Пьяновъ сомнѣвался и сказалъ злодѣю: «Какъ, де, этому можно статься? Вѣдь Петръ Федоровичь умеръ?» то злодѣй, выводя Пьянова изъ сумнѣнія, сказалъ на оборотъ: «Не правда, де, онъ также спасся и въ Петербургѣ отъ смерти, какъ и въ Царицынѣ;» и симъ тогда разговоръ оной кончился, потому что Пьяновъ, опасаясь бѣды, не захотѣлъ вдаль любопытствовать; а естьли бы онъ продолжалъ оной далѣе, то, можетъ статься, что злодѣй не утерпѣлъ бы тогда проврать что нибудь, похожее на нынѣшнее о себѣ самомъ; удержался же онъ, кажется, для того, что Пьяновъ прекратилъ сей разговоръ, съ показаніемъ нѣкотораго вида неимовѣрности; или же и по тому иногда, что онъ не зналъ еще прямо, будутъ ли Яицкіе Казаки согласны къ произведенію новаго бунта. И такъ, желая проникнуть мысли ихъ и намѣренія, завелъ съ Пьяновымъ вотъ какой разговоръ: «Какъ, де, вамъ, Яицкимъ Казакамъ не стыдно, что вы терпите такое притѣсненіе въ вашихъ привилегіяхъ?» А какъ Пьяновъ отвѣчалъ ему: «Что жь, де, дѣлать-то! Такъ видно тому и быть!» то злодѣй говорилъ: «Да не лучше ль вамъ выйти съ Яику въ Турецкую область, на Лобу рѣку, а на выходъ я вамъ дамъ денегъ на каждую семью по двѣнадцати рублевъ»? Высказывая при томъ, что на границѣ оставлено у него до двухъ сотъ тысячь рублей, да на семдесятъ тысячь товару. «Ежели, де, Яицкое войско согласится бѣжать, то изъ своихъ денегъ буду оное коштовать». А какъ Пьяновъ не только равнодушно слушалъ сію злоковарную басню, но и по насказанному имъ богатству усумнился еще о подлинномъ его состояніи, вопроса при томъ его такъ: «Да гдѣ, де, ты такія деньги возьмешь, и что ты подлинно за человѣкъ?» то злодѣй отвѣчалъ: «Я, де, заграничной торговой;» а потомъ продолжалъ: «Когда, де, вы выдите за границу, то всѣхъ васъ съ радостію встрѣтитъ Турецкой Паша; онъ, де, ежели будетъ нужда въ деньгахъ войску на проходъ, то дастъ еще хотя и до пяти милліоновъ рублей». Сколько Пьяновъ сперва ни равнодушно слушалъ сіи бредни, но напослѣдокъ спохватился и запретилъ злодѣю плодить вдаль сію рѣчь; однако жъ, по безпечности своей, не донесъ объ ономъ и умолчалъ, для того, будто бы, какъ онъ въ допросѣ своемъ сказалъ, что не уважилъ его разговору.

Когда злодѣй осмѣлился такимъ образомъ открыться въ своемъ злоехидствѣ предъ однимъ человѣкомъ, то, думать надобно, что онъ и во многихъ Яицкихъ Казаковъ сіе зло поселилъ; ибо Пьяновъ показываетъ, что оной извергъ, живши у него цѣлую недѣлю, каждой день ходилъ на базаръ. Покупка его во время сей поѣздки состояла не больше, какъ въ нѣсколькихъ сазанахъ рыбы и на одну рубашку выбойки или пестриди какой; слѣдовательно, и можно заключить, что выходъ его на базаръ былъ или возмутительной. или онъ развѣдывалъ о ихъ обстоятельствахъ, приводившихъ ихъ тогда въ страхъ и отчаяніе по учиненному ими смертоубійству, и наконецъ явному бунту и супротивленію противу корпуса Генерала-Маіора Фреймана, о чемъ тогда въ Оренбургѣ производилось еще слѣдствіе. Навѣрное можно заключить, что онъ въ сіе время или наслышался отъ мятежниковъ, называющихся войсковой стороны, о негодованіи ихъ противу Правительства, или же самъ примѣтилъ въ нихъ крайнюю буйность и готовыхъ къ новому бунту; потому сіе заключается, что онъ, по побѣгѣ изъ Казани, предпріявъ въ злобномъ своемъ сердцѣ присвоить себѣ имя покойнаго Государя, и полагая всю свою надежду на войсковыхъ Казаковъ, безъ малѣйшей опасности открыть себя такимъ высокимъ названіемъ онымъ мятежникамъ, какъ о томъ ниже сего въ своемъ мѣстѣ показано будетъ; а здѣсь включается то, какимъ образомъ сей извергъ попалъ въ Казанскую тюрьму, и какъ оттуда бѣжалъ.

Выше сего сказано, что оной злодѣй, ѣздя на Яикъ подъ виломъ покупки рыбы, имѣлъ у себя товарища, Мечетскаго жителя, Филипова, и по немъ имѣлъ квартиру у Казака Пьянова. Когда злодѣй подговаривалъ показаннымъ образомъ Яицкихъ Казаковъ къ побѣгу въ Турецію и обѣщалъ имъ свою помощь, то Филиповъ слышалъ сей его развратъ, и хотя умолчалъ о семъ въ Яицкомъ городкѣ, но, по возвращеніи домой, донесъ о семъ у Малыковскихъ управительскихъ дѣлъ, почему злодѣй тогда же и пойманъ и посланъ въ Синбирскъ; да и Пьяновъ требованъ былъ къ сему дѣлу; однако жъ онъ, прослышавъ о семъ, бѣжалъ изъ дому своего и укрывался въ бѣгахъ по то самое время, какъ уже злодѣй атаковалъ на Яикѣ Полковника Симонова въ ретраншаментѣ. Злодѣй изъ Синбирска отосланъ въ Казань къ покойному Губернатору, фонъ Бранту, у котораго, а равно и въ Синбирскѣ. въ допросѣ показалъ, что Казаку

Пьянову объявленныя слова говорилъ яко бы въ пьянствѣ своемъ, безъ всякаго умыслу и намѣренія подговорить прямо Яицкое войско къ побѣгу, но смѣясь надъ Казакомъ Пьяновымъ, въ чемъ ему и повѣрено. При семъ случаѣ самъ онъ признался, что онъ бѣглой Донской Казакъ и Пугачевъ по прозванію, да и осматривали его въ Казани, не былъ ли онъ битъ кнутомъ; а какъ по осмотру не можно было узнать, чѣмъ онъ былъ сѣченъ, потому что спина весьма была изсѣчена, то онъ, объявя, что кнутомъ не сѣченъ, показалъ, что одинъ Полковникъ за потерю лошадей сѣкъ его жестоко плетьми. Казанской Губернаторъ представлялъ объ немъ въ Петербургъ съ мнѣніемъ, какъ бы разглашеніе сіе было бредни и недостойны большаго уваженія, и на его представленіе послѣдовало имянное Ея Императорскаго Величества повелѣніе такое: «Чтобъ Пугачева, наказавъ за его враки и за утайку своего названія, плетьми, сослать въ городъ Пелымъ, и тамо, употребляя его въ работу, въ какую годенъ будетъ, производить кормовыхъ по три копѣйки на день, но смотрѣть за нимъ накрѣпко, чтобъ не сдѣлалъ оттуда побѣду».

Между же тѣмъ, пока сія резолюція Губернаторомъ получена, злодѣй нашелъ случай воспользоваться побѣгомъ изъ подъ караула, потому что не стали уже имъ уважать; ибо сперва содержали его такъ какъ секретнаго или важнаго колодника въ Губернской Канцеляріи, подъ особымъ карауломъ, но потомъ, какъ старые Канцелярскіе покои сломаны и заведено вновь каменное страеніе, то, не имѣя мѣста содержать его болѣе въ Канцеляріи, отдали въ острогъ для содержанія съ прочими, а при отдачѣ совсѣмъ забыто было дать особое наставленіе объ немъ караульному офицеру, дабы содержать его съ нѣкоторымъ вниманіемъ, а чрезъ то самое и сдѣлано ему послабленіе такое, что онъ могъ на ряду съ прочими ходить въ міръ для прошенія милостыни, и отпускали по банямъ, чѣмъ самымъ злодѣй воспользовался, и приглася къ своему единомыслію колодника пригорода Алатъ, купца Дружинина, и одного караульнаго солдата, бѣжалъ съ ними изъ Казани 29-го Маія, 1773-го году; былъ за ними изъ острогу и другой караульной солдатъ, но они его напоили до пьяна и, отвезя его съ собою въ кибиткѣ нѣсколько верстъ отъ города, столкнули долой.

Не извѣстно, куда сей злодѣй объявленныхъ своихъ спутниковъ, то есть, Дружинина и караульнаго солдата, дѣвалъ: оставилъ

ли онъ ихъ гдѣ обманомъ и самъ отъ нихъ уѣхалъ, или обоихъ уходилъ? Ибо нѣтъ объ нихъ по сю пору никакого слуху; а равно и того еще нельзя узнать, кто вспомоществовалъ ему въ побѣгѣ изъ Казани? Куда онъ сперва пріѣхалъ? Гдѣ до половины Іюня мѣсяца былъ, и кто снабдилъ его парою лошадей и кибиткою, тожь ружьемъ, мѣднымъ котломъ и здобными лепешками? Но остается сію безъизвѣстность рѣшить самому извергу Пугачеву; ибо, чтобъ кто нибудь безъ обличенія сказалъ самъ о своемъ злодѣяніи, не токмо рѣдко, но почти изъ такого рода людей никогда не случается.

Сначала Оренбургская Секретная Коммиссія допросомъ прежде бывшаго Яицкаго, а потомъ опредѣленнаго въ Сакмарскъ, бѣглаго Казака, Ивана Пономарева, онъ же и Самодуровъ, извѣщалась, яко бы злодѣй, по побѣгѣ изъ Казани, укрывался, сперва на Узеняхъ, въ Камышъ-Самарѣ, яко въ такомъ мѣстѣ, которое, по непроходимости своей, весьма способно къ укрытію себя бѣглецамъ, и тутъ будто бы назвался онъ Государемъ Петромъ Третьимъ, да и присоединились къ нему тутъ Яицкіе бѣглые Казаки: Иванъ Чика, Илья Ульяновъ, Степанъ Толкачевъ, Петръ Балабановъ, Степанъ Пьяновъ, Елисей Мясниковъ и Михайло Жегулевцовъ, да раскольническихъ старцевъ семь человѣкъ, изъ которыхъ начальникъ ихъ назывался Макаріемъ, гдѣ будто бы они полагали между собою совѣтъ такой, чтобъ, собравъ въ свою шайку больше людей, итти на Яикъ во время плавки рыбы и, пришедъ на плавню, склонить Яицкихъ Казаковъ на свою сторону, и съ ними итти потомъ въ Яицкой городокъ, и тутъ, забравъ достальныхъ Казаковъ, а Старшинъ всѣхъ побить и иттить въ Оренбургъ, для того, что тутъ считали много денегъ, которыя злодѣй обѣщался раздѣлить Казакамъ.

А какъ Коммиссія не имѣла тогда противорѣчія показанію онаго враля Самодурова, слѣдовательно, и не могла имѣть причины сомнѣваться, чтобъ Самодуровъ показалъ неправду, то о семъ и въ репортѣ своемъ, отъ 21-го Маія, 1774-го году, къ Ея Императорскому Величеству представила; а притомъ, о сыску на Узеняхъ помянутыхъ раскольническихъ черноцовъ, Макарія съ товарищи, писана въ Симбирскую Провинціальную Канцелярію и на Яикъ къ Полковнику Симонову, но на сіе отвѣтствовано, что ни одного изъ показанныхъ старцевъ не сыскано; а потому, по другимъ показаніямъ, вы-

ходило и то, что Самодуровъ солгалъ о томъ, будто бы онъ видѣлъ на Узеняхъ Казаковъ Чику и Ульянова, потому что они въ бѣгахъ не были; въ разсужденіе чего Коммиссія и на прочее его показаніе возъимѣла уже подозрѣніе, и передопрашивая его вновь, увѣщевала, чтобъ показалъ истинную правду; почему Самодуровъ, отрекшись совсѣмъ отъ перваго своего показанія, признался, что ни злодѣя, ни Чики съ Ульяновымъ не видалъ на Узеняхъ и нигдѣ, да и не слыхалъ объ немъ ничего, кромѣ только того, что когда передъ обнаруженіемъ злодѣя, везли его, Самодурова, изъ Малыковки въ Яицкой городокъ, то дорогою слышалъ отъ встрѣчающихся Казаковъ, что на низу проявляется у нихъ Самозванецъ подъ именемъ Петра Третьяго, и что для сыску его посылались изъ города команды. Но въ допросѣ, учиненномъ ему у Оренбургскаго Господина Губернатора, Рейндорпа, солгалъ о семъ, по причинѣ бывшаго ему пристрастнаго распросу, а въ Секретной Коммиссіи съ начала утверждалъ сію ложь за истину по тому уже, что побоялся за перемѣнныя рѣчи истязанія. Сей враль Самодуровъ у Губернатора въ допросѣ лгалъ и о томъ, будто бы злодѣй, будучи на Узеняхъ, сказывался собственнымъ своимъ именемъ и названіемъ, но вышепомянутые бывшіе при немъ Яицкіе Казаки и раскольническіе старцы согласились назвать его и разгласить Государемъ Петромъ Третьимъ. На сіе онъ, Самодуровъ, при первомъ въ Коммиссіи допросѣ отмѣнилъ и признался, что солгалъ.

И такъ теперь по слѣдствію выходитъ, что злодѣй въ Таловинской уметъ пріѣхалъ мѣсяца черезъ полтора по побѣгѣ изъ Казанской тюрьмы. Неизвѣстно, гдѣ онъ столько время шатался; но какъ онъ самъ предъ нѣкоторыми Казаками хвасталъ, будто бы онъ изъ Казани въ Таловинской уметъ пріѣхалъ въ восьмой день, то изъ сего и должно было заключить, что онъ прямо пріѣхалъ въ уметъ. Но содержатель оного, хотя и не знаетъ, сколько именно времени жилъ у него оной злодѣй, однако жъ увѣряетъ, что онъ пріѣхалъ въ такое время, когда уже поспѣвали арбузы и яблоки, а потому и нельзя иначе положить сему время, какъ въ половинѣ развѣ Іюля мѣсяца, или немного попрежде.

Какъ то ни есть, однако жъ сей адской сынъ подоспѣлъ съ своимъ злымъ ядомъ къ Яицкимъ мятежнымъ Казакамъ въ такое

время, когда они негодовали на конфирмацію, послѣдовавшую на слѣдствіе, производимое въ Оренбургѣ о убивствѣ ими Генерала-Маіора Траумберга и старшинъ, не меньше жъ и о злодѣйскомъ ихъ предпріятіи, оказанномъ противъ корпуса Генерала-Маіора Фреймана. Ибо по сей конфирмаціи многіе съ ихъ мятежной стороны Сотники и Казаки, которые участвовали больше другихъ въ семъ злодѣяніи, пересѣчены иные кнутомъ, заклеймены и вырваны ноздри и разосланы въ ссылки, а иные, плетьми и написаны въ солдаты, что самое, а тѣмъ болѣе налагаемая на нихъ за пограбленное ими во время ихъ бунта у разныхъ людей имѣніе выть, приводило ихъ въ крайнее бѣшенство, потому что нѣкоторые и теперь симъ рѣшеніемъ недовольны кажутся и почитаютъ себя притѣсненными въ разсужденіи неравенственнаго расположенія на нихъ выти, которой положено на иныхъ отъ двадцати до сорока, а на иныхъ отъ десяти до пяти рублей, и говорятъ, что когда, де, все войско обвиняется въ томъ грабительствѣ, такъ и выти должно быть на всѣхъ равной.

Въ семъ мѣстѣ Коммиссія за нужное находитъ вмѣстить сократительно разсказываемыя Яицкими Казаками повѣствованія о происхожденіи своемъ и поселеніи на рѣкѣ Яикѣ, о причинахъ, произведшихъ несогласіе между Старшинами и войсковыми Казаками, и наконецъ самое убійство Траумберга и старшинъ.

Происхожденіе Яицкихъ Казаковъ, можно сказать, соотвѣтствуетъ съ нынѣшнимъ ихъ злодѣяніемъ: они суть сбродные бѣглецы, промышлявшіе по Каспійскому морю и по Волгѣ разбоями и грабительствами чрезъ долгое время, но, напослѣдокъ, пришедъ въ раскаяніе, собравшись сотъ до пяти человѣкъ и избравъ мѣсто нынѣшняго ихъ поселенія, принесли повинную блаженныя памяти Государю, Царю Алексѣю Михайловичу. Сей Государь простилъ ихъ и позволилъ поселиться на избранномъ имъ мѣстѣ, пожаловавъ ихъ при томъ, какъ они сказываютъ, рѣкою Яикомъ съ вершины и до устья и всѣми падающими въ нее рѣками и протоками, рыбными ловлями и сѣнными покосами безданно и безпошлинно, также крестомъ и бородою, опредѣля имъ годоваго жалованья каждому по одной четверти муки по полуфунту свинцу и пороху; служба же ихъ состояла въ томъ, чтобъ защищать границы отъ набѣговъ Киргизцовъ, Башкирцовъ и Калмыковъ, поелику тогда Башкирцы и Калмыки не состояли въ подданствѣ Россіи. И, такимъ образомъ, поселясь они на нынѣшнемъ

мѣстѣ, принимали въ свое общество отвсюду бѣглецовъ, а чрезъ то въ скоромъ времени и умножились.

Гурьевъ городокъ поселеніе свое имѣетъ прежде, нежели Яицкой; разстояніемъ оной отъ Яицкаго верстахъ въ пяти стахъ, на низу рѣки Яика, близъ Каспійскаго моря; тамо весьма изобильная была рыбная ловля и сдѣланъ былъ издревле учугъ, то есть, загородка чрезъ всю средину рѣки Яика, чтобъ рыба вверхъ не могда проходить. Сей учугъ принадлежалъ Коронѣ и отдавался на откупъ Астраханскимъ купцамъ за извѣстную сумму. Но хотя такая преграда и сдѣлана была, однако жъ сперва у Яицкихъ Казаковъ рыбная ловля изобильная была. Между тѣмъ Яицкіе Казаки, бывъ въ разныхъ походахъ блаженныя памяти съ Императоромъ Петромъ Великимъ, заслужили монаршее его благоволеніе и, въ награду за ихъ службу, получили подтвержденіе прежнихъ своихъ привилегій, и притомъ точно изъ показаннаго Гурьевскаго учуга отгорожено было по осьми саженъ отъ обоихъ береговъ. А какъ сіе сдѣлано было, то Яицкіе Казаки паки стали имѣть довольную рыбную ловлю: ибо и они у себя сдѣлали, на подобіе Гурьевскаго, такой же учугъ. Но какъ время отъ времяни Яицкіе Казаки умножались, а рыбная ловля, напротивъ того, уменьшалася, то они условились напослѣдокъ испросить учужной откупъ въ свое содержаніе, и потомъ, по многимъ просьбамъ и ходатайствамъ, назадъ тому лѣтъ съ пятнадцать, получа желаемое, выломали въ Гурьевѣ учугъ, а свой вновь укрѣпили, и такъ сдѣлались одни владѣтелями рыбной ловли въ рѣкѣ Яикѣ; въ Гурьевъ же городокъ, чтобъ пресѣчь совсѣмъ постороннюю ловлю, командировали отъ себя сто человѣкъ Казаковъ на караулъ. Учугъ отданъ имъ на откупъ за пять тысячь за шесть сотъ рублевъ въ годъ, и положили между собою собирать сію сумму Старшинамъ съ Казаковъ во время рыбныхъ ловель. Старшины, вмѣсто сей суммы, сбирали съ нихъ около двадцати тысячь и отчету ни какого войску не давали, а между тѣмъ взяли они также на откупъ и соляной сборъ съ отвозной изъ городка всякаго рода соленой рыбы, десятой доли безъ мала, за пять тысячь рублей, поруча такъ же и сей сборъ бывшему Атаману Подполковничья чину, Бородину, съ такимъ условіемъ, чтобъ онъ, по прошествіи года, далъ войску вѣрной отчетъ, обнадежа его, естьли будетъ убытокъ, заплатить за него, а естьли будетъ прибыль, то оную уступали ему. Но Атаманъ, держа нѣ-

сколько годовъ сряду сей сборъ, не давалъ отчету; хотя Казаки и просили его о томъ, однако жъ онъ на то ни какъ не соглашался, и сѣкалъ еще, сказываютъ, тѣхъ, которые ему объ ономъ напоминали, потому что сей сборъ не меньше былъ перваго.

Между тѣмъ одинъ Яицкой Казакъ, Логиновъ, будучи въ Сакмарскомъ городкѣ Атаманомъ и смѣнясь оттуда, пріѣхалъ на Яикъ, и усмотря великіе поборы съ Казаковъ, желалъ, чтобъ Старшины приняли и его къ себѣ въ товарищество, поелику онъ былъ Старшинной сынъ и имѣлъ на то право; но Старшины въ томъ ему отказали. Логиновъ зачалъ за то ссорить со Старшинами и разсказывать потомъ Казакамъ, что Старшины ихъ грабятъ. Казаки, видя его къ нимъ доброжелательство, хотѣли, чтобъ онъ былъ у нихъ Старшиною, но Старшины на то не соглашались. Логиновъ, выпрося у Казаковъ выборъ, ѣздилъ тайно отъ Старшинъ въ Петербургъ, и тамо исходатайствовалъ отъ Военной Коллегіи Старшинское себѣ достоинство и возвратился съ указомъ Военной Коллегіи, что онъ пожалованъ Старшиною, но Старшины и за тѣмъ не приняли его въ товарищество, въ разсужденіи помянутыхъ сборовъ. А какъ въ сіе время войско было на плавкѣ, то Логиновъ, выѣхавъ къ оному на встрѣчу, разсказывалъ, что Старшины его не принимаютъ, будто бы для того, что опасаются воспрепятствованія его отъ излишнихъ поборовъ и требованія въ первыхъ годахъ отчету. И такъ войско къ нему прилѣпилось, а онъ, напротивъ того, наставилъ оное, чтобъ не давали съ изловленной рыбы нисколько пошлины и потребовали бы съ Атамана Бородина во всѣхъ сборахъ отчету. Войско такъ и сдѣлало, а Атаманъ со Старшинами поставили сіе происшествіе за бунтъ, и представили такимъ образомъ въ Военную Колегію, удерживая, между тѣмъ, у войска, за неплатежъ помянутой пошлины, жалованье; но, напротивъ того, Логиновъ съ войскомъ били челомъ на Старшинъ, что они войско разоряютъ излишними поборами и взятками, и просили о томъ изслѣдовать. Вотъ самая начальная и главная причина, отъ которой напослѣдокъ проистекли великіе раздоры и неустройства!

Военная Коллегія, по представленію Старшинъ и по жалобѣ на оныхъ войска, опредѣлила произвесть на Яикѣ слѣдствіе, въ продолженіе котораго разные были слѣдователи, потому что войсковая

сторона, будучи недовольна, отводила нѣкоторыхъ разными подозрѣніями. Между сими слѣдователями были по ихъ сердцу только двое, Генералъ-Майоръ Потаповъ, и Гвардіи Капитанъ Чебышевъ; первой привелъ все слѣдствіе къ окончанію и послѣдовала на оный конфирмація Военной Коллегіи такая: на Старшинъ наложенъ денежной штрафъ, взысканіе удержаннаго ими жалованья и лишеніе ихъ Старшинскаго достоинства, съ тѣмъ, чтобъ ни въ какіе выборы впередъ ихъ не выбирать, чѣмъ войсковые Казаки, хотя нѣкоторые и съ ихъ стороны за ложные доносы осуждены были къ наказанію, были довольны. По сей конфирмаціи, что касалось до войсковыхъ Казаковъ, то исполнено было очень скоро; но что слѣдовало до Старшинъ, то бывшій у нихъ тогда съ военною командою, Маіоръ Новокрещеновъ, не только ничего не исполнялъ, но и не объявлялъ войску, по многимъ просьбамъ конфирмаціи, до Старшинъ касающейся. Между тѣмъ, какъ Казаки сказываютъ, Новокрещеновъ сдѣлалъ надъ ними такую хитрость, что велѣлъ имъ приходить къ себѣ на квартиру, обѣщаясь тамо вычесть имъ конфирмацію; а какъ они въ великомъ числѣ собрались къ его квартирѣ и просили исполнить обѣщанное, то Новокрещеновъ, не вычтя конфирмацію, понуждалъ ихъ тутъ къ выбору въ Атаманы, представляя имъ со своей стороны Дьяка Кретина. Но какъ они на то не соглашались и укоряли его нѣкоторые, что онъ закрываетъ Старшинъ, потому что они тогда въ гостяхъ у него были, то Новокрещеновъ представилъ на нихъ, въ разсужденіи многолюднаго ихъ собранія, похожее такъ какъ бы на бунтъ, почему изъ Военной Коллегіи наслана была въ войско грамота съ подтвержденіемъ, чтобъ они впредь повиновались законамъ и начальникамъ своимъ безъ всякаго прекословія, и ту грамоту велѣно было прочесть въ присутствіи Генерала-Маіора Черепова, въ Оренбургѣ тогда при войскамъ находящагося. Какъ же оной Череповъ пріѣхалъ на Яикъ и, собравъ войско въ кругъ, приказывалъ прочесть ту грамоту, то хотя они тому и не противорѣчили, однако жъ показывали такъ, что не хотѣли слушать, потому что обыкновеніе между ими бывало прежде такое, что подходили къ самымъ периламъ, для кругу сдѣланнымъ, а тутъ стояли отъ оныхъ гораздо одаль, и по многимъ Черепова приказамъ, хотя подвигались понемногу, однако жъ къ самымъ периламъ не подошли, отзываясь тѣмъ, что они и издали слышать могутъ. Сіе ихъ упрямство такъ разгорячило Черепова, что онъ приказалъ драгунамъ стрѣлять по

нихъ изъ ружей, и выстрѣлено было три раза, да и убито нѣсколько человѣкъ. Сей показанный имъ страхъ принудилъ уже ихъ слушать грамоту, но говорятъ, будто бы ничего не слыхали, и взяты съ нихъ тогда подписки въ томъ, чтобъ повиноваться впредь указамъ. Однако жъ сіе ихъ не успокоило, и они жаловались въ Петербургѣ на Черепова и на Новокрещенова, что они закрываютъ Старшинъ; по сей ихъ жалобѣ присланъ былъ помянутой Капитанъ Чебышевъ, и, во первыхъ, вычелъ имъ конфирмацію, касательную до Старшинъ, входилъ въ разбирательство новыхъ ихъ жалобъ и принудилъ ихъ выбрать новаго Атамана и новыхъ Сотниковъ изъ войсковой руки, которыхъ они и выбрали, и Чебышевъ утвердилъ ихъ выборъ; войсковымъ Атаманомъ сдѣлали они тогда надъ собою Петра Танбовцова, которому Чебышевъ, поруча взыскивать съ старыхъ Старшинъ штрафъ и Казачье жалованье, самъ уѣхалъ въ Петербургъ. Послѣ Чебышева Атаманъ Танбовцевъ содружился съ старыми Старшинами, и хотя взыскивалъ съ нихъ нѣкоторое число изъ удержаннаго ими Казачьяго жалованья, однако жъ не все; но что касалось до наложеннаго на нихъ штрафа, то и совсѣмъ не хотѣлъ съ нихъ взыскивать, да и не лишилъ ихъ Старшинскаго достоинства, то есть; не принуждалъ ихъ къ простой Казачей службѣ, но старался всегда выбирать ихъ или въ походные Атаманы, или въ Полковники; но Казаки и Сотники въ томъ противились, отъ чего послѣдовалъ новый раздоръ и несогласіе, а къ тому еще и подоспѣлъ штатъ Московскаго легіона, въ которомъ надлежало дать изъ Яицкаго войска триста тридцать четыре человѣка. И какъ сіе же самое число показано было помершими отъ безвременнаго командированія изъ Оренбурга полковъ по требованію Генерала-Маіора Черепова, для усмиренія Яицкаго войска въ то время, когда онъ по оному палилъ, и въ присланной къ нимъ грамотѣ сказано было, что съ виновныхъ толикое число взыщется, то Казаки, почитая въ семъ дѣлѣ винными не себя, но Старшинъ, и думая, что въ легіонъ вмѣсто тѣхъ-то помершихъ и требуютъ, воспротивились дать отъ себя людей, склоняя къ тому, что съ одной Старшинской руки отданы были требуемые люди. Атаманъ, усердствуя исполнить повелѣнное, наказывалъ и содержалъ подъ карауломъ тѣхъ, которые болѣе въ семъ дѣлѣ противорѣчили; однако жъ ни то, ни другое не помогло, и презря Атаманское повелѣніе, посылали отъ себя просителей въ Петербургъ о освобожденіи ихъ отъ легіонной службы, которая для нихъ

несносна была по тому, что надлежало бы лишиться бородъ и быть, какъ они говорятъ, въ очищеніи, почитая при томъ нарушеніемъ прежнихъ жалованныхъ имъ грамотъ и привилегій. Ея Императорское Величество, всемилостивѣйше снисходя на ихъ прошеніе, Высочайше указать соизволила, уволить ихъ отъ сей службы, и при томъ, въ совершенное удовольствіе всего ихъ желанія, для конечнаго рѣшенія продолжающейся между ими и Старшинами чрезъ многія лѣта тяжбы, послать на Яикъ съ войсковой стороны Гвардіи Капитана Дурнова, а со Старшинской командующаго въ Оренбургѣ надъ регулярными войсками, Генерала-Маіора Давыдова. Въ слѣдствіе чего и съѣхались на Яикъ Давыдовъ и Дурновъ; но Давыдовъ въ скоромъ времени отозванъ куда-то, а на мѣсто его пріѣхалъ Генералъ-Маіоръ Фонъ Траумбергъ: однако жъ Казакамъ оба они не показались, въ разсужденіи, что они требовали отъ нихъ къ новому слѣдствію повѣренныхъ, коихъ они дать не хотѣли, и приступали къ Дурнову, чтобъ онъ вычелъ имъ въ кругу свою инструкцію, и рѣшилъ бы прежде Старшинъ по первой конфирмаціи. Дурновъ, не зная, чѣмъ отъ нихъ отговориться, обѣщался исполнить ихъ просьбу, и манилъ ихъ тѣмъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, не дѣлая ничего. Напослѣдокъ мятежные Сотники и Казаки, не терпя такой проволочки, приходили въ бѣшенство, и открыли оное вотъ при какомъ случаѣ. Изъ самыхъ главныхъ ихъ возмутителей и мятежниковъ Сотникъ Кирпишниковъ ходатайствовалъ за нихъ повѣреннымъ въ Петербургѣ и, возвратяся оттуда, явился самъ у Дурнова и отъ него отпущенъ былъ на квартиру. Какъ скоро Атаманъ и Старшины, присутствовавшіе въ Войсковой Канцеляріи, узнали о его пріѣздѣ, то тотчасъ послали за нимъ Старшину Бородина и Дьяка Сустина съ Казаки, чтобъ взять его подъ караулъ; но Кирпишникова жена, сказывая, что мужа ея нѣтъ дома, заперла двери и не впускала къ себѣ посланныхъ; но они, не вѣря ея рѣчамъ, ломились въ двери, отъ чего и сдѣлался шумъ; на сей шумъ сбѣжались сосѣди, такъ какъ и мимоидущіе Казаки, и видя Старшинское насиліе, стали уговаривать ихъ отъ того. Старшины, не вытерпя укоризны, завели брань съ ними, а они, по видимому, имъ не уступали и доходило до драки, но одинъ изъ Старшинъ обнажилъ свою саблю и тѣмъ прекратилъ ссору, взявъ при томъ двоихъ изъ тѣхъ, кои больше буянили, подъ караулъ, и вели ихъ на арканахъ. А какъ оные были войсковыя стороны, то почли всѣ

прочіе за крайнее себѣ безчестіе, и разнеслось это тотчасъ по всему городу. Между тѣмъ изъ тѣхъ Старшинскихъ Казаковъ, кои вели войсковыхъ на арканѣ, по прозванію Копѣечкинъ, какъ возвращался изъ Канцеляріи домой, то войсковые Казаки, напавъ на него, били и посадили въ домъ Казака Толкачева подъ караулъ; а какъ только сей шумъ заводился, то и сбѣжалось со всѣхъ сторонъ премножество войсковыхъ Казаковъ, да и зачали судить, что отмщеніе произведено правильнымъ образомъ. Потомъ, вычисляя каждой свои обиды, отъ Старшинъ причиненныя, присудили послать отъ себя къ Дурнову съ жалобою на Старшинъ и съ просьбою о свободѣ взятыхъ подъ караулъ двухъ Казаковъ, приказывая при томъ сказать, что покуда Старшины не освободятъ войсковыхъ Казаковъ, то и они Старшинскаго не выпустятъ, а въ то жъ время велѣли напомянуть Дурнову и о своемъ дѣлѣ. Дурновъ, выслушавъ сіе посольство, и видя ихъ буйность, думалъ удержать ихъ дерзость взятіемъ присланныхъ подъ караулъ; а между тѣмъ послалъ къ прочимъ мятежникамъ съ приказомъ, чтобъ они Копѣечкина освободили: но мятежники не только не успокоились, но тѣмъ болѣе озлобились за взятіе ихъ посланцовъ подъ караулъ, грубо отвѣчая присланному отъ Дурнова, что они не освободятъ Копѣечкина до тѣхъ поръ пока не выпустятъ войсковыхъ Казаковъ. А между тѣмъ часъ отъ часу умножалось ихъ сборище, такъ что вся улица, въ которой стеченіе свое имѣли, заперлась, и тутъ, негодуя на Коммиссіонеровъ, условились, напослѣдокъ, итти поутру къ Дурнову всѣмъ войскомъ просить, чтобъ онъ рѣшилъ старыхъ Старшинъ и вычелъ имъ свою инструкцію. Траумбергъ и Дурновъ, видя необычайное сборище, посылали въ толпу уговаривать, чтобъ они разошлись по домамъ, но они не послушали и, не смотря на зимнее время, ночевали многіе на улицѣ. Изъ сего не трудно было узнать Коммиссіонерамъ о вредномъ Казаковъ замыслѣ, и для того приняли надлежащія мѣры. По мятежники, не смотря на сіе, какъ только насталъ день, то и собрались всѣмъ войскомъ въ одно мѣсто; по собраніи, посылали къ Дурнову сказать, что все войско идетъ упасть къ его ногамъ, чтобъ онъ исполнилъ свое обѣщаніе. Дурновъ, видя новой родъ челобитчества и опасаясь дурныхъ слѣдствій, отвѣчалъ присланнымъ, что онъ, конечно, исполнитъ ихъ прошеніе черезъ недѣлю. Какъ же мятежники услышали, что Дурновъ еще откладываетъ на недѣлю, то больше прежняго разсвирѣпѣли

и положили итти неотмѣнно къ Дурнову. И такъ двинувшись съ мѣста, пошли всею толпою, неся почти каждой Коммиссіонерамъ по подарку, кто дубину, кто палку, а кто саблю и тому подобное. Траумбергъ и Дурновъ, видя, что дѣло доходитъ до побоища, собрали сколько было воинской команды, такъ же и Старшинскаго согласія Казаковъ, вооружа оныхъ къ сопротивленію и зарядили пушки, да и послали между тѣмъ курьера въ Оренбургъ съ извѣстіемъ, что Яицкое войско взбунтовало. Мятежники, идучи просить Дурнова, посылали къ нему одного попа съ нѣкоторыми Казаками предувѣдомить его, что войско идетъ къ нему за тѣмъ только, чтобъ онъ рѣшилъ имъ сего дня же Старшинъ и объявилъ свою инструкцію, а впрочемъ ни какого зла не намѣрено сдѣлать. Дурновъ отвѣчалъ имъ то, что и прежде, приказывая всѣмъ разойтиться по домамъ, а въ противномъ случаѣ велитъ по нихъ стрѣлять. Мятежники, услыша сіе, не обробѣли, пошли прямо къ Дурнову, неся при томъ предъ собою образа. Дурновъ посылалъ еще уговаривать ихъ, чтобъ успокоились и разошлись, обѣщеваясь исполнить чрезъ короткое время ихъ желаніе, но мятежники, напротивъ того, посылали къ нему помянутаго попа и Казака Шигаева на переговорку, чтобъ исполнилъ оное тотъ же день, а между тѣмъ сами, не останавливаясь, подходили близко. Траумбергъ и Дурновъ видя, что они прямо имѣютъ злой умыслъ, приказали стрѣлять изъ пушекъ. Но какъ только изъ нѣсколькихъ пушекъ выстрѣлено было, то они всѣ вдругъ и бросились на пушки и, овладѣвъ оными, разбили воинскую команду, тожъ и Старшинскихъ Казаковъ, и остервенясь, били всѣхъ безъ различія, и побили до смерти Генерала-Маіора Траумберга, Атамана своего, Танбовцова, и прочихъ Старшинъ и Казаковъ, а равно многихъ и изъ воинскихъ служителей; Дурнова же, едва дышущаго, оставили, и потомъ пустились на разграбленіе Старшинскихъ домовъ и прочихъ имѣній, а на другой день дьяка Суетина, выведя въ кругъ, прибили до смерти. Произведя, такимъ образомъ, тиранство, послали отъ себя нѣсколькихъ человѣкъ въ Петербургъ съ повинною челобитною; но между тѣмъ, когда изъ Оренбурга на Яикъ слѣдовалъ Генералъ-Маіоръ Фрейманъ съ корпусомъ для усмиренія ихъ, то они и противъ его, бывъ въ остервененіи, не устрашились вооружиться военною рукою и старались не допускать оного до входа въ ихъ городъ, однако жъ разбиты и начальные бунтовщики переловлены и отосланы къ слѣдствію въ Оренбургъ. Сіе слѣдствіе про-

должалось около году, и напослѣдокъ конфирмовано, и екзекуція надъ виновными исполнена въ Яицкомъ городкѣ вскорѣ послѣ Петрова дни прошлаго 1773-го году. Вотъ старая исторія Яицкихъ мятежниковъ; теперь продолжаема будетъ новая.

1-е. Извергъ Пугачевъ появился около Яицкаго городка послѣ учиненія показанной екзекуціи весьма скоро, именно же, въ половинѣ Іюля мѣсяца, а екзекуція учинена въ началѣ. Онъ пріѣхалъ въ Таловинской уметъ, разстояніемъ отъ Яицкаго городка въ пятидесяти, или шестидесяти, верстахъ, одинъ, въ кибиткѣ, запряженной парою лошадей, имѣя при себѣ ружье и котелъ мѣдный, мѣшечикъ съ сдобными лепешками, искрошившимися отъ дороги, въ мужичьемъ платьѣ. По пріѣздѣ въ уметъ, содержателю онаго, Сибирскаго уѣзду, пѣхотному солдату, Степану Максимову, сыну Оболяеву, а по народному названію Ереминой Курицѣ, сказался, что онъ Пензенской купецъ, Иванъ Ивановъ, былъ въ Яицкомъ городкѣ для покупки рыбы, и тамо, оставя свой обозъ, велѣлъ оному за собою ѣхать, а самъ напередъ поѣхалъ было въ Пензу, но на дорогѣ, лошади взбѣсясь, разбили телѣгу, а потому и просилъ уметчика дозволить ему пробыть въ его уметѣ, пока дождется своего обозу, обѣщевая ему за то по времени заплатить. А какъ уметчикъ на сіе ему позволилъ, то онъ, имѣя при себѣ ружье, принялся за промыселъ: сталъ стрѣлять по степи сайгаковъ, и тѣмъ, какъ самъ кормился, такъ и уметчика кормилъ, а уметчикъ, по видимому, былъ радъ, что жилецъ его промышленой человѣкъ, и при томъ одновѣрецъ, потому что и уметчикъ крестился двуперстнымъ сложеніемъ такъ же, какъ и Пугачевъ. Пугачевъ, примѣтя, что уметчикъ не обезпокоится его житіемъ въ уметѣ и обходится съ нимъ ласково, вздумалъ попробовать его, равнодушенъ ли онъ къ перемѣннымъ рѣчамъ и не сдѣлаетъ ли въ обхожденіи съ нимъ какой перемѣны; и для того черезъ недѣлю времени по пріѣздѣ въ уметъ, сказалъ ему: «Что, де, ты, Степанъ Максимычъ знаешь: вить я тебя обманулъ, что сказался Пензинскимъ купцомъ, а я вить не купецъ, но Дубовской Казакъ, и не Иваномъ меня зовутъ, а Петромъ Ивановымъ». Но уметчикъ, по безпечности своей, ни мало не обезпокоясь тѣмъ и, не спроса его о причинѣ такой перемѣны, спросилъ только о обозѣ, изъ коего, по видимому, льстился чѣмъ нибудь покорыстоваться. «Такъ по этому, де, ты и о обозѣ-то солгалъ?» Но Пугачевъ, при-

мѣтя его корыстолюбіе, и не хотя вдругъ показаться предъ нимъ совсѣмъ обманщикомъ, сказалъ: «Нѣтъ, это я не солгалъ, а правда, и я на сихъ дняхъ сюда его ожидаю». Чему уметчикъ повѣря, ни мало не обезпокоился перемѣною его имени и обходился съ нимъ по прежнему дружелюбно, а изъ сего самаго Пугачевъ, будучи пронырливой, примѣтилъ, что уметчикъ человѣкъ довѣрчивой, снисходителенъ къ страннымъ, или, иначе сказать, къ бѣглецамъ, и безопасенъ, естьли онъ и далѣе объявитъ ему о замыслѣ своемъ, предположенномъ уже тогда въ гнусномъ его сердцѣ. И такъ, предпріявъ открыть сему гнусному укрывателю бѣглецовъ злоехидной свой ядъ, искалъ случая, съ которой бы лучше стороны уловить сего глупца въ злыя свои сѣти, а потомъ, если дастъ онъ ему вѣроятіе, то и употребить его орудіемъ къ разглашенію бунтующимъ Яицкимъ Казакамъ, коихъ онъ часто видалъ приходящихъ въ его уметъ для питья квасу съ промыслу стрѣлянія сайгаковъ по степи, около умету шатающихся, и примѣтилъ, что ему многіе изъ нихъ знакомы; ибо, по видимому, онъ самъ собою изъ сихъ Казаковъ ни одному открылся въ своемъ злодѣйствѣ, опасаясь бѣды, естьли тотъ, которому онъ откроетъ о своемъ самозванствѣ, не повѣритъ и сочтетъ его за обманщика; а можетъ статься, боялся и того, чтобъ не попасть на такого, который бы и тогда, по его вопросу, сказался непослушной стороны, будучи послушной для узнанія причины по его вопросу. Злодѣй Пугачевъ, будучи съ природы злокоренъ и пронырливъ, не долго искалъ случая опутать злодѣйскими своими сѣтьми, и воспользовался бытіемъ съ нимъ въ банѣ его, спустя чрезъ двѣ недѣли съ пріѣзду въ уметъ, изъ которой вышедъ, и заведя съ нимъ стороною разговоръ, спросилъ его послѣ такъ: «Что, Степанъ Максимычь, давича ты былъ со мною въ въ банѣ, примѣтилъ ли ты на мнѣ Царскіе знаки?» А какъ уметчикъ, по безпечности своей, не сдѣлавъ ему за то косова виду, и холодно, да еще съ усмѣшкою, отвѣчалъ: «Какія, де, знаки? Я ихъ отъ роду не только не видывалъ, да и не слыхивалъ;» то Пугачевъ, видя, что уметчикъ сіи первыя его слова безъ примѣчанія и холодно принялъ, отважился далѣе открываться ему и сказалъ: «Эдакая, де, ты простая курица. Ужь Царскихъ знаковъ не слыхивалъ! Я, де, тебѣ ихъ когда нибудь при Яицкихъ Казакахъ покажу». Сіе выговорилъ Пугачевъ, по видимому для того, чтобъ завести уметчика далѣе въ сей разговоръ, и довести его до того, чтобъ онъ самъ зачалъ любопыт-

ствовать, въ чемъ онъ и не ошибся; ибо уметчикъ съ тою же холодностію спросилъ его такъ: «Что это, Петръ Ивановичь! Къ чему ты это говоришь? Какимъ на тебѣ быть Царскимъ знакамъ?» А Пугачевъ, видя, что уметчикъ ни мало не осердился, и подаетъ еще поводъ къ дальнему вранью, сказалъ ему со смѣхомъ: «Эдакой, де, ты безумной: ужь того-то не догадался, къ чему я это говорю! Вить я не купецъ и не Казакъ, такъ какъ тебѣ сказался, а Государь вашъ, Петръ Федоровичь». Сколь уметчикъ ни безпеченъ былъ, однако жъ тутъ испугался; но чего же испугался? Не того, вить, что находитъ онъ гнуснаго враля и вымышленника, но того, что онъ Царя принималъ за простаго человѣка, ибо онъ, по видимому, тотчасъ повѣрилъ его словамъ; однако жъ, скрывая предъ нимъ свое легковѣріе, осмѣлился спросить его: «Да какъ же, де, это? Я слышалъ, что Государь померъ?» Но Пугачевъ, примѣтя его робость, и желая скорѣе оною воспользоваться, сказалъ: «Врешь! Петръ Федоровичь живъ, а не умеръ: ты смотри на меня такъ, какъ на него. Я, де, былъ за моремъ и пріѣхалъ въ Россію прошедшаго года, и услыша, что Яицкіе Казаки приведены всѣ въ разореніе, такъ нарочно для нихъ сюда на выручку пріѣхалъ, и хочу, естьли Богъ допуститъ, опять вступить на царство». Чему уметчикъ повѣря, сталъ предъ нимъ извиняться и просить, чтобъ не прогнѣвался за то, что обходился съ нимъ такъ, какъ съ простымъ человѣкомъ. А Пугачевъ, радуясь сему, что нашелъ такого осла, не взыскивалъ того на немъ и извинялъ его самъ незнаніемъ; однако жъ, опасаясь его простосердечія, дабы всѣмъ безъ различія не сталъ объ немъ разглашать, наставилъ его такъ, чтобъ онъ и впередъ при людяхъ никакого почтенія предъ нимъ не дѣлалъ, но обходился бы съ нимъ по прежнему просто и никому о томъ, что онъ государь, не сказывалъ, а называлъ по прежнему Казакомъ, приказывая при томъ сказывать только Яицкимъ Казакамъ, да и то тѣмъ только, которые съ войсковой стороны, то есть, съ мятежной, на коихъ, по видимому, былъ онъ надежнѣе, а которые со Старшинской руки, тѣмъ бы отнюдь не открывалъ. Уметчикъ ни мало не отговариваясь отъ сей, налагаемой на него, гнусной и измѣнической должности, высказывалъ только злодѣю, что онъ не знаетъ Казаковъ точно, кто съ войсковой и кто со Старшинской стороны; однако, желая показать ему мерзкую свою услугу, сказалъ: «Вить развѣ, де, сказать объ васъ знакомому мнѣ Казаку, Григорью Закладнову; онъ вотъ, такъ

я знаю, что съ войсковой стороны, и хотѣлъ сюда пріѣхать ко мнѣ за лошадью: я де обѣщалъ ему продать, и думаю, что онъ на сихъ дняхъ сюда будетъ» (ибо сей мерзкой укрыватель злодѣя, ѣздилъ предъ симъ временемъ въ Яицкой городокъ съ просьбою на мужиковъ, покравшихъ его, и имѣлъ пристанище въ домѣ онаго Закладнова). Злодѣй, услыша такую для себя радостную вѣсть, похвалилъ уметчика и сказалъ ему: «Очень, де, хорошо! Открой ему обо мнѣ, когда онъ сюда пріѣдетъ». Однако жъ, страшася за сей промыселъ казни, наказывалъ уметчику такъ: «Да смотри же, накажи ему хорошенько, чтобъ онъ сказывалъ !надежнымъ себѣ людямъ, такъ чтобы и жены ихъ не знали!»

2-е. Послѣ сего дни черезъ три пріѣхалъ въ уметъ и Закладновъ, и случилось такъ, что на той лошади, которую уметчикъ хотѣлъ ему продать, племянникъ уметчиковъ уѣхалъ въ другой уметъ за хлѣбомъ. Закладновъ, услыша о томъ, запечалился, что за пустяками такъ далеко ѣхалъ, и тужилъ, что не на чемъ ему работать. Но злодѣй, случившись быть при томъ и примѣтя, что Закладновъ такъ же, какъ и уметчикъ, не коварной человѣкъ, вздумалъ преклонить оного на свою сторону выпрошеніемъ ему у уметчика другой лошади на работное время безденежно; уметчикъ, почитая уже злодѣя царемъ, не смѣлъ передъ нимъ отговариваться, потому болѣе, что злодѣй предварительно назвалъ сіе самою бездѣлицею. И такъ обѣщалъ дать Закладнову лошадь. Закладновъ, будучи небогатой человѣкъ, доволенъ былъ симъ одолженіемъ, и ночевалъ въ уметѣ. Поутру собирался ѣхать съ полученною отъ уметчика лошадью домой въ Яицкой городокъ; злодѣй усмотря сіе, понуждалъ уметчика открыть объ немъ Закладнову; уметчикъ же, давъ на то прежде ему слово, не отговаривался тутъ, и пошелъ къ Закладнову, за плетнемъ лошадь осѣдлывающему, а по приходѣ завелъ съ нимъ рѣчь такимъ образомъ: «Что, Гриша, какъ ты думаешь о этомъ человѣкѣ (указавъ на злодѣя, которой тогда сидѣлъ въ базу, то есть, въ сараѣ, и изъ за плетня видѣнъ былъ), какой онъ человѣкъ? Закладновъ хотя и видѣлъ, что онъ совсѣмъ не похожъ на мужика, ибо былъ въ крестьянской рубашкѣ, съ бородою и волосы подстрижены, однако сказалъ: «По чему, де, мнѣ знать, что онъ за человѣкъ?» Уметчикъ, будучи издавна знакомъ съ Закладновымъ, и зная, что онъ не изъ коварныхъ людей, не обробѣлъ

сказать ему: «Вить это—Государь Петръ Федоровичь. Онъ, де, говоритъ, что имѣетъ на себѣ Царскіе знаки, и нарочно сюда на выручку къ вамъ (разумѣя войсковой руки, а прямо сказать мятежной стороны Казаковъ) пріѣхалъ. Онъ, де, приказалъ тебѣ сказать, чтобъ ты открылъ объ немъ войсковой руки надежнымъ людямъ». Всякой бы благонамѣренной человѣкъ и помнящій долгъ своей присяги, будучи на мѣстѣ онаго Закладнова, какъ бы глупъ ни былъ, но содрогнулся бы, услыша такую важную новизну, да и Закладновъ, во оправданіе свое въ допросѣ говоритъ, будто бы онъ испугался сего, но уметчикъ показываетъ, что Закладновъ, услыша сіе, сперва удивился, а потомъ, съ веселымъ лицемъ сказалъ: «Что это за диво такое? Конечно, де, Господь насъ поискалъ»; а сіе и значитъ, что Закладновъ тотчасъ словамъ уметчиковымъ повѣрилъ. Между же тѣмъ, какъ они вели о семъ разговоръ, злодѣй, можетъ статься, дѣлалъ надзираніе и примѣчалъ, въ какомъ положеніи Закладновъ приметъ отъ уметчика вымышленную имъ баснь; а усмотря, что и Закладновъ столько же ко льстивымъ баснямъ довѣрчивъ, сколько и уметчикъ, вышелъ потомъ самъ къ нимъ и безъ робости уже Закладнова вопросилъ: «Что Гриша, слышалъ ты отъ Ереминой курицы обо мнѣ»? Закладновъ, вмѣсто того, что надлежало бы ему тутъ попротиворѣчить, или, по крайней мѣрѣ, показать видъ сомнѣнія, напротивъ того показалъ предъ нимъ свое легковѣріе; ибо, поклонясь сему извергу, отвѣчалъ такъ: «Слышалъ, Сударь». Злодѣй, видя, что нѣтъ для него никакой опасности, пустился далѣе изблевать зловредной свой ядъ такимъ образомъ: «И такъ, смотри же, Гриша, разскажи обо мнѣ дома надежнымъ людямъ войсковой руки; да смотри, объявляй по тайности, такъ, чтобы и жены ваши не знали, и берегитесь Старшинской руки, чтобъ какъ не провѣдали обо мнѣ! Пришли-ко мнѣ сюда отъ войска человѣкъ двухъ нарочитыхъ людей: я съ ними поговорю и скажу имъ, что надобно сдѣлать!» Изъ сихъ однихъ словъ примѣчается, что злодѣй на бунтующихъ Казаковъ имѣлъ несомнѣнную надежду и упованіе, что они его примутъ; слѣдовательно, будучи онъ въ Яицкомъ городкѣ или наслышался отъ нихъ, или самъ примѣтилъ великое ихъ негодованіе противу Правительства. Помянутой Закладновъ, выслушавъ все отъ злодѣя, далъ слово исполнить, и съ тѣмъ хотѣлъ ѣхать; но способникъ изверговъ, то есть, уметчикъ, можетъ статься, улещая его, чтобъ не навлекъ на нихъ бѣды, естьли бы донесъ по командѣ,

удержалъ его позавтракать и накорьмя, отпустилъ домой; а при отпускѣ злодѣй самозванецъ не упустилъ вторично наказать ему льстивыми словами: «Смотри же, Гриша, не забудь: пришли ко мнѣ Казаковъ, и самъ съ ними пріѣзжай! Да проворь скорѣе!» а Закладновъ на сіе сказалъ: «Хорошо, Сударь, слышу».

3-е. Оной Закладновъ, пріѣхавши домой, только что успѣлъ убрать лошадей, пошелъ со двора искать такого надежнаго себѣ человѣка, которому бы не опасно было открыть о найденномъ имъ Царѣ, и нашедъ живущаго чрезъ три улицы отъ него, Яицкаго же Казака, Ивана Чабанова (которой, а равно и всѣ, ниже описанные, войсковой стороны, то есть, мятежной), и по краткомъ съ нимъ разговорѣ, разсказалъ ему все, что на Таловой въ уметѣ видѣлъ и слышалъ. Чабановъ, не умнѣе, по видимому, Закладнова, и также легковѣренъ и безпамятенъ о своей присягѣ, какъ и Закладновъ, потому что не только онъ не воспротиворѣчилъ Закладнову и не донесъ по командѣ, но взялся еще разнести сію зловредную заразу по своей собратіи, мятежникамъ, говоря такъ:

(Конца недостаетъ).

Сообщ. Соревнователь **М. П. ПОЛУДЕНСКІЙ.**

ПОДЛИННЫЯ БУМАГИ,

ДО БУНТА ПУГАЧОВА ОТНОСЯЩІЯСЯ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Представленныя мною для напечатанія бумаги, относящіяся до Пугачова, достались мнѣ отъ покойнаго моего дѣда, Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника, Александра Михайловича Лунина, и были найдены мною въ сундукѣ съ бумагами на чердакѣ моего деревенскаго дома, въ Рязанской губерніи, въ Спасскомъ уѣздѣ. Между множествомъ связокъ была одна съ надписью, сдѣланною рукою моего дѣда: Разныя бумаги секретной коммиссіи по замѣшательству, происшедшему отъ злодѣя Пугачова. Въ деревню. Кромѣ сообщаемыхъ мною копій, въ этой связкѣ находятся еще слѣдующія бумаги: Печатное описаніе, сколько Пугачовымъ разграблено церквей и убито дворянъ, мѣщанъ, духовенства и пр.; рукописное описаніе Оренбургской осады Рычкова; оба эти описанія напечатаны Пушкинымъ въ примѣчаніяхъ къ его Исторіи Пугачовскаго бунта; далѣе печатныя: Описаніе происхожденія дѣлъ и сокрушенія злодѣя, бунтовщика и самозванца, Емельки Пугачова; объявленіе прощаемымъ преступникамъ, и нѣсколько указовъ, помѣщенныхъ въ Полномъ Собраніи Законовъ. Въ эту связку была вложена небольшая записка, писанная рукою моего дѣда слѣдующаго содержанія: «Изъ связки сей множество любопытныхъ бумагъ относительно злаго Пугачова бунта

содержащія, выпрошены были у меня для прочтенія Павломъ Сергѣевичемъ Потемкинымъ, отъ котораго хотя и старался возвратить, но безъ успѣха. Послѣ меня хорошо сдѣлаютъ, ежели и всю сію связку предадутъ огню.» Не соглашаясь съ мнѣніемъ покойнаго, я рѣшился представить для напечатанія оставленныя имъ бумаги.

Сообщаемая мною выписка изъ Утрехтской газеты о казни Пугачева была указана мнѣ С. Д. Полторацкимъ, въ библіотекѣ котораго находится экземпляръ этой газеты.

Въ дополненіе къ свѣдѣніямъ о Пугачовѣ, прилагаю выписку изъ хранящихся у меня записокъ моего дѣда, А. М. Лупина, писанныхъ въ 1790 году.

М. ПОЛУДЕНСКІЙ.

СВѢДѢНІЕ ОБЪ А. М. ЛУНИНѢ.

Обучался я въ домѣ и разныхъ публичныхъ и партикулярныхъ училищахъ, о чемъ родители мои, не взирая на недовольно достаточное свое состояніе, употребляли издержки съ попечительнымъ о изученіи стараніемъ, а потому и не по малымъ успѣхамъ, въ чемъ самъ состою виною, благодарность моя къ нимъ безпредѣльна.

Вступилъ я въ службу 1757 года, Марта 12 числа, солдатомъ лейбъ-гвардіи въ Измайловскій полкъ и происходилъ чинами: капраломъ того жъ года, Сентября 2 дня, Подпрапорщикомъ 758 года, Ноября 25, сержантомъ 759 Ноября 19, Прапорщикомъ 764, Генваря 1 дня; Подпорутчикомъ 765, Апрѣля 19; Квартирмистромъ 768, Генваря 1 дня; Капитанъ-Порутчикомъ 770, Генваря 1, по особому именному указу за службу при осадѣ и взятіи Краковскаго замка, пожалованъ Капитаномъ 773 года, Ноября 30, и, по именному повелѣнію, отправленъ былъ по извѣстному въ Россіи въ 774 году казакѣ Пугачовѣ въ Секретную Коммисію, съ наставленіемъ въ копіи, здѣсь слѣдующимъ:

Копія.

Секретное наставленіе Лейбъ-гвардіи Измайловскаго полку Господину Лунину.

Ея Императорское Величество, даннымъ своимъ высочайшимъ указомъ, за подписаніемъ собственныя Ея Величества руки, Всемилостивѣйше указать мнѣ соизволила, отправить васъ въ Казань съ двумя лейбъ-гвардіи Оберъ-офицерами, при давъ вамъ, для производства дѣлъ тайной экспедиціи, Секретаря Зряхова, почему, какъ оной Секретарь, такъ и назначенныя съ вами два господа Оберъ-офицера, а имянно: лейбъ-гвардіи Семеновскаго полку Капитанъ-Порутчикъ Савва Мавринъ и Измайловскаго Поднорутчикъ Василій Собакинъ, и посылаются.

Вы, получа сіе наставленіе, имѣете съ поспѣшеніемъ ѣхать въ Казань и приложенное при семъ отъ меня сообщеніе, при которомъ препровождаю и Высочайшій Ея Императорскаго Величества имянной указъ тамошнему господину Губернатору Генералъ-Аншефу и Кавалеру Якову Ларивоновичу Бранту подать, а въ небытность его, въ Казанскую Губернскую Канцелярію, кто въ оной присутствуетъ, и немедленно вступить въ порученное вамъ дѣло, которое въ слѣдующемъ состоять имѣетъ:

1. По случаю произшедшихъ въ Оренбургской губерніи замѣшательствъ отъ нѣкотораго злодѣя и изверга съ Дону бѣглаго казака Емельяна Пугачова, который, пользуяся буйностію и невѣжествомъ тамошней губерніи жителей, собралъ немалую толпу и, называяся именемъ покойнаго Императора, Петра Третьяго, производитъ многія злодѣянія и смертныя убійства, возмущая и устращивая простой народъ; и какъ нѣкоторые отъ него, Пугачова, употребляемые разглаштели, для возбужденія и мятежа простаго народа, разосланы и въ другія губерніи, то уже въ Казанской губерніи таковыхъ нѣсколько и поймано, и содержатся въ Казанѣ подъ карауломъ.

Сими самыми и начните вы ваше изысканіе, употребя все ваше искуство, усердіе и вѣрность, чтобъ допскаться до пряма, не только съ какого подвига сіи разгласители таковыя зловредныя и непозволенныя разглашенія производили, отъ самого ль самозванца Пугачова и его сообщниковъ они отправлены, куда и съ какимъ намѣреніемъ, и не можно ли чрезъ нихъ открыть прямое начало сего смятенія и замѣшательства, или по глупости, робости и страху дѣлаютъ таковыя въ простомъ народѣ разглашенія? Испытайте достовѣрнымъ изслѣдованіемъ показанія сихъ людей, ихъ свойства, разумъ и намѣренія, различая простоту, невѣжество и грубость отъ зловреднаго коварства, злоухищренія, упрямства и злости; довѣдываться всегда о началѣ и источникѣ злодѣйскаго предпріятія Емельки Пугачова и его сообщниковъ, не найдутся ли какія сторонніе сему злодѣю способствованія, и чрезъ кого?

2. Нынѣ содержащихся въ Казанской Губернской Канцеляріи, о которыхъ статейный списокъ при семъ вамъ прилагаю, принявъ отъ Губернской Канцеляріи, и впредь присылаемыхъ, содержать вамъ съ крайнею строгостію и смотрѣніемъ, по мѣрѣ состоянія лица и ихъ дѣла, не допуская ихъ не только между собою, но ниже съ посторонними до свиданія, а тѣмъ паче до разговоровъ, ни подъ какимъ видомъ безъ особливаго вашего повелѣнія, для чего и истребовать имѣете отъ

Казанской Губернской Канцеляріи караулъ, который бы, содержа тѣхъ арестантовъ, состоялъ въ сособственномъ вѣдѣніи вашемъ и вамъ только о тѣхъ рапортовалъ.

3. Для изысканія самой истины при изслѣдованіи и допросахъ нужна вамъ будетъ вся ваша способность и искуство, чтобъ кстати и у мѣста употребить тихость и умѣренность, или самую строгость и устращеніе, дабы узнать представленнаго предъ васъ свойства и чистосердечныя показанія, такъ равномѣрно скрытыхъ и коварныхъ, тожъ отчаянныхъ и упорныхъ привести на стезю откровенности, извѣдывая изъ нихъ истину, и, гдѣ нужно будетъ показать имъ въ полной силѣ, всѣ устрашенія и строгость.

Изъ вышеписаннаго понимаете всю важность поручаемой вамъ коммиссіи, слѣдовательно, не полагается времени обыкновеннаго, часовъ для присутствія въ вашей Коммиссіи, но должна она всегда и во всякое время имѣть свое теченіе, какъ только нужда настоять будетъ, не пропуская ни мало къ прекращенію и предупрежденію сей зловредной заразы.

4. Посылающіеся съ вами господа Офицеры, Мавринъ и Собакинъ, имѣютъ присутствовать съ вами въ той же Коммиссіи, но вся оная, однако жъ, паче всѣхъ, яко главному, вамъ ввѣряется, вы же имѣете обо всемъ по часту меня рапортовать какъ письменно, такъ и словесно, и въ надобныхъ обстоятельствахъ ожидать моихъ наставленій, а между тѣмъ всѣми силами и способами старайтесь, чтобъ пустыя разглашенія, страхъ и вредныя разсѣянія въ простомъ народѣ истреблять и предупреждать, дабы, по легковѣрности своей, онъ не давалъ конечно ложнымъ разглашеніямъ вѣры.

5. Для проѣзда вашего до Казани съ прочими чинами снабжаетесь вы подорожными и прогонными деньгами; по прибытіи жь въ Казань квартиры для васъ съ находящимися при васъ чинами и для коммиссіи вашей, тожъ для производства дѣлъ матеріалы и служители, буде они будутъ потребны, истребуйте отъ Казанской Губернской Канцеляріи, о чемъ въ прилагаемомъ при семъ сообщеніи къ господину Казанскому Губернатору, Генералу Аншефу и Кавалеру, фонъ Бранту, отъ меня писано.

6. Нужнымъ наконецъ считаю упомянуть вамъ и о томъ, чтобъ въ Коммиссіи вашей всѣ дѣла производились въ крайней таинности, дабы никто ни очемъ не только разглашать, но ниже малѣйшее что провѣдать не могъ, а тѣмъ меньше письменное увѣдомленіе дѣлать позволяется, о чемъ всѣмъ, кто въ командѣ вашей и при васъ находиться будутъ, строгое дѣлайте подтвержденіе.

АЛЕКСАНДРЪ БИБИКОВЪ.

Ноября 30 дня,
1773 года.
С. Петербургъ.

Въ Коммисіи сей находился я полгода въ Казани и шесть мѣсяцевъ въ Оренбургѣ, откуда, по благополучномъ окончаніи, по особому жъ именному указу, пожалованъ Полковниковъ 775 года, Сентября 22 дня, Бригадиромъ 780-года, Ноября 24, Генералъ Маіоромъ 782-го, Іюня дня, и пр., и пр., и пр.

1773-го года, Марта 8-го дня, по указу Ея Императорскаго Величества Государственная Военная Коллегія, слушавъ представленнаго, при рапортѣ отъ Господина Генералъ-Порутчика Оренбургскаго Губернатора и Кавалера Рейнсдорпа, слѣдствія, произведеннаго по высочайше данному оному Губернатору, въ 4-й день Іюня, прошлаго года, имянному Ея Императорскаго Величества указу, войска Яицкаго о главныхъ мятежникахъ, Старшинахъ и казакахъ въ убивствѣ Генералъ-Маіора Фонъ Траубенберха съ офицерами, также войсковаго атамана Тамбовцова съ Старшинами, и въ выѣздѣ изъ нихъ противъ отправленнаго, предводительствомъ Господина Генералъ-Маіора Фреймана, корпуса, воруженію съ требованіемъ отъ Киргизъ-Кайсакъ себѣ помощи, изъ котораго оказались:

По найденнымъ ихъ мятежническимъ дѣламъ начало дерзновенія и къ возмущенію матежническаго ихъ разврата, въ слѣдующихъ обстоятельствахъ:

Ими, мятежниками, учиненной приговоръ, нынѣ, де, въ войскѣ Яицкомъ отъ атамана Тамбовцова и присутствующихъ всѣхъ Старшинъ и ихъ согласниковъ, прежніе ихъ обряды во все истекаютъ, а по видимости уже открылся штатъ, для чего войска Яицкаго большая часть, за непріятіемъ того, хотя отъ него, Тамбовцова, и присутствующихъ Старшинъ, во всемъ и нужду претерпѣваютъ, но только усердно желая остаться какъ прежде, и въ какихъ обрядахъ обращались, такъ и впредь жить и служить, до послѣднеи минуты часа жизни ихъ, на прежнемъ основаніи не отрицаются, а не по штату означенному Тамбовцову и съ нимъ присутствующимъ всѣмъ старшинамъ и ихъ согласникамъ; о принятіи того штата не прекословятъ, но только таковымъ его, Тамбовцова, новымъ распоряженіямъ впредь ни въ какихъ слѣдуемыхъ нарядахъ, за пріятіе новаго дѣла, раздѣленія требуетъ, и во всѣхъ его, Тамбовцова, неполезностяхъ, гдѣ самая истинность открывается, прозьбу производили въ томъ принужденными, войска большая часть находитъ; какъ прежде войско находилось подъ дирекціею Генералъ-Фельтмаршала графа Бориса Петровича Шереметьева, такъ и нынѣ желаютъ быть для защищенія одной ввѣренной персонѣ Графовъ Григорья или Ивана Григорьевичевъ Орловыхъ.

Потомъ также, что въ приговорѣ непокоряющіеся Атаману Тамбовцову и штату большой части Сотникъ Кирпичниковъ съ товарищи согласились, чтобы его, Кирпичникова, въ числѣ двадцати человѣкъ послать въ Петербургъ, и посланъ былъ 771-го года въ вѣш-

нѣе время послѣ Пасхи, съ челобитною отъ согласныхъ къ просьбѣ съ непослушной стороны Старшинъ и казаковъ, сочиненною для испрошенія въ подтвержденіи гвардіи Капитану Дурново, чтобъ онъ, по именному Ея Императорскаго Величества указу, непродолжительное учинилъ исполненіе въ отрѣшеніи Старшинъ, во взысканіи съ нихъ положеннаго штрафа во удовольствіе Яицкаго войска, за пять лѣтъ жалованьемъ и въ щетѣ ихъ казачей Войсковой Канцеляріи, которой, по прибытіи въ С. Петербургъ, ту съ нимъ, Кирпичниковымъ, отправленную на всевысочайшее Ея Императорскаго Величества имя челобитную, сперва Господину Генералъ-Аншефу и Кавалеру, Графу Захару Григорьевичу Чернышову, подалъ, коимъ не принята, а напослѣдокъ, изыскавъ время, персонально Ея Императорскому Величеству подавали, которую и повелѣно было принять Генералу Козьмину. Однако жъ, продолжаясь тамъ Іюня съ 28-го Декабря по 6-е число, не получа резолюціи, а услыша, что ихъ Кирпичникова съ сотоварищи сыскизаютъ въ Военную Коллегію, скрываясь, нашли платье ямское, а не казачье, и безъ резолюціи, по испрошенію его, Кирпичникова, съ даннымъ отъ Графа Ивана Григорьевича Орлова, запечатаннымъ въ кувертѣ на имя вышеписаннаго гвардіи Капитана Дурново письмомъ, въ Яицкой городокъ возвратился; а по пріѣздѣ въ оной и по отдачѣ тому Капитану письма, что въ немъ писано ему, Кирпичникову, и другимъ его сообщикамъ, по необъявленію отъ того Капитана, было не извѣстно. Однако жъ, на другой день прибытія его, Кирпичникова, въ городкѣ, пришель онъ къ казачьему Толкачова дому, собравшимся при ономъ въ довольномъ числѣ казакамъ, на ихъ спросы, объявилъ, что, кромѣ письма Капитану Дурново, на просьбу ни какой резолюціи не послѣдовало; при чемъ имѣющаяся у него съ вышеписаннаго имяннаго указу копія, безъ объявленія народу, собранному, что оная съ прежняго указа, чрезъ казака Романа Котитова читана, потомъ на третій уже день его прибытія такое жъ казаковъ зборище было, и отъ онаго, по общему согласію, для прощенія о исполненіи по тому указу, Священникъ Михайло Васильевъ съ казаками, къ Генералъ-Маіору Траубенберху и гвардіи Капитану Дурново посыланъ былъ; а напротиву отъ нихъ, Траубенберха и Дурново, въ ихъ, казачье, сборище, Капитанъ съ Старшиною Логиновымъ со увѣщаніемъ, чтобы они разошлись и непотребныхъ совѣтовъ не имѣли, присыланныхъ, однако они, казаки, не послушали, и имѣючи въ семъ случаѣ неоднократныя пересылки, при коихъ Капитана Дурново и

войсковыхъ Старшинъ, Бородина и Суетина, требовали, якобы для таковой же переговорки, чтобы они по указу надлежащее исполненіе здѣлали неотмѣнно; а напослѣдокъ, во первыхъ онъ, Кирпичниковъ, народу совѣтовалъ: естьли въ третій день по посылкѣ, старшинъ не отрѣпатъ, положеннаго штрафа съ нихъ не взыщутъ, войско жалованіемъ не удовольствуютъ и Войсковую ихъ казачью Канцелярію не сочтутъ, то бъ поступить по тому указу воинскимъ отпоромъ, во что весь народъ тутъ и устремился, и на третій день служащихъ и отставныхъ казаковъ и малолѣтныхъ множество съ ружьями и дреколіемъ къ тому же, Толкачову, дому собралось, и еще тотъ же попъ, Васильевъ, и съ тѣмъ же о удовольствованіи прошеніемъ къ нему, Генералу, посланъ, которому отъ гвардіи Капитана Дурново именной Ея Императорскаго Величества Высочайшій указъ, данный ему, Дурново, прочтенъ, и сказано, что болѣе тысячи жалованіемъ уже удовольствованы, и чтобы для наряду повелѣнной въ Кизляръ пятисотной команды человѣка по два и по четыре приходили, записывались, кои также жалованіемъ будутъ удовольствованы, а Старшинъ, Суетина и Бородина, яко невиновныхъ, перваго, что онъ штрафъ заплатилъ, а послѣдняго, какъ онъ еще недавно въ войсковыя Старшины опредѣленъ и жалобъ на него приносимо не было, и о протчемъ противъ ихъ мятежниковъ требованія толковано ему, попу, было, слѣдственно, де, ихъ отдать, да и самому итти въ противное ихъ собраніе не можно, что имъ, попомъ, по возвратѣ войску пересказывано. На оное ожесточась, а особливо Сотники, напротивъ того кричали, когда, по довольной ихъ посылкѣ, удовольствія имъ не здѣлается, въ послѣднія бъ шелъ съ объявленіемъ, что войско на него и регулярную команду хочетъ итти и будутъ до смерти бить, съ каковымъ изъявленіемъ онъ, попъ, и пошелъ, а они, мятежники, не дождавъ его, попа, оттоль, подъ предводительствомъ Сотниковъ, Ивана Портнова, Семена Артикѣева, Петра Краденова, Семена Азовскаго, Ивана Герасимова, Логина Шапошникова, Данила Безлокотнова, Федота Морковцева, Максима Изюмникова, Косьмы Носова, Афонасья Перфильева, Михайлы Чеботарева, десятниковъ: Ивана Кузнецева, Ермолая Ходина, отслушавъ въ церкви молебенъ, къ означенному Генералъ-Маіору пошли, причемъ онъ, Кирпичниковъ, подтверждалъ: поступать, какъ ихъ Богъ наразумитъ, а самъ остается въ Толкачовѣ, опасаясь, чтобы захваченъ не былъ. И тѣ выходившіе противъ его, Генералъ-Маіора Траубенберха, съ мятежниками предводители, Портновъ со товарищи, начатіе стрѣльбы

изъ пушки на него, Генералъ-Маіора, показуютъ, противъ чего и они, послѣдуя своему согласію, устремясь палили и убивство Генералу и протчимъ причинили. И какъ оное кончилось, то онъ, Кирпичниковъ, о произшедшей при томъ случаѣ пушечной и оружейной пальбѣ, возвращающихся со сраженія мѣста не оставлялъ спрашивать, что здѣлано? и на что ему сказываво: Генерала, де, тотъ же Атаманъ и протчіе убиты, пушки отбиты, колодники, бывшіе изъ казаковъ, свобождены; и такъ того же дня подъ вечеръ собравъ кругъ, при немъ Кирпичниковъ въ судьи другихъ выбрали, Васимія Трифонова, Терентія Сенгилевцева и Андрея Лабзенева; каковъ ихъ, съ непослушной стороны мятежническої, дерзостной поступокъ всему тому, какъ отъ Прапорщика Ефтюгина и Атамана Донскова въ рапортахъ обявлено, Генералъ-Маіоръ Траубенберхъ, Капитанъ, Подпорутчикъ, солдатъ шесть, Атаманъ Тамбовцовъ, Старшинъ четыре, казаковъ съ послушной стороны до сорока, да ранено отъ гвардіи Капитанъ Дурново, и еще таможеннаго курпуса Порутчикъ, Прапорщикъ, Сержантъ, капралъ, рядовыій солдатъ, осьмнадцать, артилерійскихъ служителей четыре, извощикъ одинъ, казаковъ до двадцати человѣкъ. По учиненіи ими мятежниками, вышеписаннаго злодѣйства, вымыслили нижеписанные собрать приговоры и подписки отъ Прапорщика Ефтюгина, Протопопа Федорова, и отъ сержантовъ: Менгелинцева и Васильева, о произшедшемъ штурмѣ, отъ кого сперва стрѣльба началась, тоже всей согласной стороны Старшинъ и казаковъ обязывали, какъ Ефтюгина подпискою же, что на идущее войско со святыми иконами, и съ просьбою о учиненіи по указу удовольствія онъ Генералъ-Маіора изъ пушекъ и изъ ружей прежде палить приказалъ; и они согласной стороны Старшины и казаки то чинили, яко бы опасаясь, дабы сами отъ солдатъ побиты не были, ибо, де за неисполненіе сего, отъ онаго Генерала по нихъ стрѣлять велѣно, въ чемъ войску и приносятъ повинность, а впредь съ оными противности и разноты чинить не будутъ, и просьбы, сверхъ войска Яицкаго, въ прежнихъ ссорахъ никуда употреблять не станутъ; да и Мартемьяна Бородина особо обязывали сказкою, будто бы онъ у Генералъ-Маіора къ войску ихъ мятежническому выпросился, и къ оному войску итти отважился; но онъ де Генералъ ихъ удержалъ. И они, видя его предпредпріятія, чтобы напраснаго и неповиннаго кровопролитія не произошло, трократно просили и въ ноги ему кланялись, отъ стрѣльбы бы удержался; но не послушавъ, сказалъ, прикажетъ и по нихъ Бородинъ съ товарищи стрѣлять, и послѣ вскорѣ изъ пушекъ и изъ

ружеи регулярною командою, тоже и имъ съ послушной стороны казакамъ стрѣлять приказалъ. То же мятежники, по отборѣ всего вышеписаннаго, съ согласной стороны Старшинъ и казаковъ присягою утвердили, чтобы съ войскомъ Яицкимъ быть во всемъ вообще и никого ни въ чемъ не уличать, и тѣ прежнія ссоры предать вѣчному забвенію, жить спокойно, прежнихъ ссоръ не вчинать и другъ на друга не челобитствовать. Потомъ состоящихъ на нижнихъ Яицкихъ форпостахъ и въ Гурьевѣ городкѣ, прежнихъ Атамана Мостовщикова, Полковника Витошнова и Атамановъ Феодора Бородина, перемѣняли другими, и тѣмъ, вновь выбраннымъ, изъ войсковой суммы дали, Савелью Ѳомичихину тридцать четыре рубля, Аѳанасью Перфильеву и Андрею Чапову по тридцати по три рубля. Напослѣдокъ всѣ вышеписанныя ими подписки и утвержденія, сообразуя въ прикрытіе учиненнаго ими дерзновенія въ челобитной на имя Ея Императорскаго Величества, Генваря 15-го числа писанной, то же самое, какъ и въ допросахъ, показываютъ слѣдующими изображеніями, не оставили помянутаго, де, Генерала-Маіора Траубенберха, просили они, чтобы по имянному Ея Императорскаго Величества указу о выдачѣ имъ за шесть лѣтъ жалованія, во взысканіи со Старшинъ штрафа и во отрѣшеніи ихъ отъ присутствія о выборѣ на мѣсто ихъ по войсковому согласію другихъ, исполнено, и вычтенъ бы тотъ имянной указъ, къ чему, собравшись 13-го числа Генваря, и шли со святыми иконами, чтобы имъ неучинено было безвиннаго вреда; но онъ, Генералъ-Маіоръ, съ Старшинами, регулярною командою и съ согласное стороны казаками, разставя по всѣмъ улицамъ пушки, начали по ихъ стрѣлять, и побили на смерть болѣе ста человѣкъ и довольное число перераниди; по какой доведенной великой крайности принуждены они обороняться; такъ, де отъ того начатія съ регулярной команды и отъ согласныхъ Старшинъ и казаковъ Генералу и протчимъ убивство послѣдовало; а Атаманъ Тамбовцовъ и Старшина Калмаковъ присутствующимъ съ старшиною съ Ютинымъ изъ своихъ рукъ срублены; и что оное со стороны Генерала и согласныхъ ихъ казаковъ произошло, вышеписанныя отобранныя съ Протопопа и протчихъ подписки, при той челобитной, представили, какъ они, мятежники, все вышеписанное учредя, и возчувствовавъ свое полное по войску правленіе, примѣчается, имѣли намѣреніе съ Киргизъ-Кайсаками быть въ соединеніи, потому Киргизъ-Кайсацкіе владѣльцы, Нуралн-Ханъ Дусали и Анчювакъ Салтаны писали слѣдующее:

Нурали-Ханъ, отъ 22-го Февраля, въ Войсковую Канцелярію и всему войску съ Старшинами: По вашей, де, просьбѣ, отъ великой Государыни, Ея Императорскаго Величества пожалованіемъ, желаніе исполнено, прозьбы не оставлены и безпокойствія ихъ утишились; и какъ, де, вы, такъ и они радуются, а прежніе злотворцы сами себѣ нашли наказаніе. И какъ имъ сдѣлалась свободность, прошено всего войска Мартеміана Бородина простить и его ни чѣмъ и живота не вредить, изъ подъ караула отпустить; и естьли помилуютъ, онъ отъ войска не отстанетъ, въ чемъ бы ему и присягу учинить.—Дусали Салтанъ войска Яицкаго управителямъ и начальникамъ Андрею Лабзеневу, Трифонову, Сингилевцеву и Кирпичникову. Естьли они, признавая его себѣ другомъ, не оставятъ и почтутъ Мартеміана Михайловича (т. е., Бородина), приведя къ присягѣ между собою по прежнему учинили, и совѣтъ бы былъ съ нимъ вмѣстѣ; и какъ бы, де, то не было, у Монархини нашей войски готовы, хотя Всевышній Богъ одное ихъ казачью просьбу исполнилъ, а нынѣ и послѣднюю дастъ.—И: Ачювакъ Салтанъ присутствующимъ Трифонову, Сингилевцеву и Неулыбину. Что же касается до обѣщанія его войску Яицкому, то о семъ посланные его люди словесно донесть могутъ, чему бы и повѣрить; и когда онъ съ ними дружествомъ соединится, то близъ Яицкаго городка весновать намѣреніе имѣемъ.—За тѣмъ Нурали же-Ханъ къ Господину Генералъ-Порутчику и Оренбурскоскому Губернатору Реинсдорпу, отъ 8-го Іюня, между протчаго, писали: Хотя, де, обѣихъ сторонъ безумные и легкомысленные люди, продерзости дѣлать поощряются, но онъ имъ не слѣдуетъ. Какъ, де, то не въ давномъ времени отъ Яицкаго войска посланы были къ нимъ люди съ объявленіемъ, что по приведенію ихъ знатными въ развратъ Оренбурскій народъ, для ученія имъ злодѣйства, они, Яицкіе казаки, съ Киргизь-Кайсаками равнаго въ родѣ своемъ состоянія, то, де, противъ слѣдующаго изъ Оренбурга къ нимъ корпуса отъ войска ихъ, подъ предводительствомъ Ивана Ульянова и Пономарева, выслано три тысячи человѣкъ; и такъ, де, нынѣ войско ихъ собравшись съ ними, Киргизцами, совокупится, и въ знакъ свойства, съ прошлаго году бѣжавшихъ отъ Киргизцевъ, плѣнныхъ возвратить хотятъ, а при томъ просили, чтобы Киргизцы съ ними сообщились; однако жъ онъ, Ханъ, къ тому не согласился. — О сихъ ихъ мятежниковъ послѣдующихъ надъ Генералъ-Маіоромъ и протчими дерзовеніями и развратомъ отъ Оренбурскаго Губернатора Реинсдорпа, чрезъ посыланные ордера, чинены были слѣдующія увѣщанія:

1-е Чтобы оное войско Яицкое представило себѣ, во первыхъ, страхъ Божій, потомъ присягу вѣрности, а третье добродѣтель толь славнѣйшей въ свѣтѣ Монархини, которая неутомленными своими трудами изволитъ о благосостояніи и тишинѣ подданныхъ своихъ матерински непрестанно пещись, слѣдовательно, когда до слуху Ея Величества дойдетъ сія, толико гнусная, вѣдомость, то сколько опечалить можетъ Ея священнѣйшій духъ. Ежели войско Яицкое, вышедъ изъ мрака злобы, выдетъ хотя въ нѣкоторый свѣтъ благоразумія и возчувствуетъ высочайшую милость Ея Императорскаго Величества, которою войско Яицкое издревле пользоваться щастіе имѣетъ, такъ бы они, оставя всѣ свои внутреннія нестроенія, тотчасъ приняли всѣ мѣры, дабы въ ономъ войскѣ Яицкомъ возставлена была прежняя тишина и покой, и народъ бы приведенъ былъ въ совершенный порядокъ и единодушное высочайшей воли Ея Императорскаго Величества повиновеніе, не допуская увеличиться гнѣву Божію, обнадеживая, что и онъ, Губернаторъ, по довѣренности его отъ Ея Императорскаго Величества, оному войску, съ стороны своей, всякимъ образомъ содѣйствовать долженствуетъ, и будетъ ожидать знакъ принятія сего увѣщанія, т. е., о всѣхъ, въ войскѣ Яицкомъ произшедшихъ, обстоятельствахъ точнаго и немедленнаго увѣдомленія, и гвардіи Капитана Дурново и Алексѣевскую команду въ Оренбургъ выслали.

2-е. Хотя остальные часы, въ кои еще могутъ чрезъ раскаяніе ихъ пользоваться милосердымъ Ея Величества прощеніемъ, употребить на разсужденіе, пощадя кровь неповинную женъ ихъ и малолѣтныхъ дѣтей, а при томъ въ злобѣ не участныхъ людей, и приведъ бы въ чювствіе, постаралися высочайшую волю Ея Императорскаго Величества исполнить, т. е., главныхъ богомерзкаго убивства зачинщиковъ, о коихъ чрезъ полковника Углицкаго реестръ они получили, обще съ признаваемыми ими покоя ихъ парушителями, Генералъ-Маіору Фрейману выдали, и тѣмъ бы себѣ и всему войску Яицкому спасеніе получили, одинаково непремѣнно поступлено будетъ съ ними по всей строгости высочайшаго Ея Императорскаго Величества гнѣва, отъ котораго укрытія никакого способа уже не останется.

3-е. При которомъ съ полученнаго высочайшаго именнаго Ея Императорскаго Величества указа, 26-го Марта состоявшагося, тридцать экземпляровъ къ нимъ послано; принявъ бы они тотъ высочайшій именной Ея Величества указъ въ здравое свое уваженіе и не упуцая толь поспѣшествующаго ихъ благополучія и тишинѣ случая,

пользуясь сею высочайшею и безпрекладною Ея Величества милостію, безъ всякаго размышленія посвятить себя тотъ часъ къ совершенному исполненію отъ сего Высочайшаго Ея Величества благоволенія, и тѣ экземпляры въ народѣ ихъ Яицкомъ немедленно публиковать и на форпосты разослать, по точномъ же бы исполненіи прислали объявленіе, съ чего бы могъ онъ, Губернаторъ, принять мѣры къ точному исполненію учиненнаго ему предписанія, а между бы тѣмъ, до прибытія изъ Оренбурга слѣдователей, главныхъ зачинщиковъ и нарушителей покоя задержать подъ карауломъ. Въ заключеніе же паки увѣщевалъ, о чемъ бы толь важномъ и для собственнаго ихъ благоденствія нужномъ дѣлѣ гораздо прилежно подумали, и конечно сей оказіи не упущать и надежду Ея Величества всемѣрно исполнить, да и тѣмъ Ея Императорскаго Величества именнымъ указомъ предписано, руководствуясь всегда человѣколюбіемъ и матернимъ о подданныхъ попеченіемъ, думаетъ, что не все войско Яицкое, но самая малѣйшая его часть была виною толикаго зла, и что прочіе вовлечены были, или по своеи простотѣ, или же по незнанію истиннаго своего блага. Въ семъ мнѣніи избѣгая, чтобы невинные не претерпѣли, вмѣстѣ съ преступными, и щадя пролитіе невинной крови, заблагоразсудила употребить еще умѣренность и чрезъ него, Губернатора, увѣщевать первыхъ, чтобы они отстали отъ укрывающихся между ими злодѣевъ, употребившихъ всуе имя Ея Императорскаго Величества, поколебавшихъ тѣмъ общую тишину и затмившихъ убивствомъ начальниковъ своихъ славу всегдашней вѣрности и послушанія, коею войско Яицкое столь много отличалось, и Ея Величество надѣется, что они, видя такое Монаршее Ея Величества благоволеніе и узнавъ ложъ и собственные виды сихъ своихъ обольстителей, очувствуются и, пришедъ въ прежнее подданническое повиновеніе, выдадутъ сами главныхъ зачинщиковъ и нарушителей ихъ покоя; естьли же и за симъ войско Яицкое останется въ своемъ жестокосердіи и упорствѣ, тогда неминуемо уже навлечетъ оно на себя праведный Ея Величества гнѣвъ, вмѣсто ожидаемаго имъ отъ Ея Величества милосердія и пощады.

По каковымъ обстоятельствамъ и собственнымъ ихъ, мятежниковъ, признаніямъ, что они, не почувствовавъ совѣсти и забывъ вѣрность подданнической своей должности и присяги, здѣлавшись ослушниками, сперва дерзнули на богомерзское убивство Генералъ-Маіора Траубенберха и ихъ Казачей послушной стороны начальниковъ и другихъ, и надъ мертвыми ихъ тѣлами ругаться, а гвардіи Капитана

Дурново, отъ лица Ея Императорскаго Величества отправленнаго, увѣчить и задерживать, тожь оставшихъ отъ самаго того ихъ мятежа Старшинъ, послушной же стороны тирански увѣчить до смерти, и нѣкоторыхъ тирански же мучить и увѣчить; напослѣдокъ же, имѣючи уже неоднократныя, а особливо именное Ея Императорскаго Величества высочайшее къ нимъ увѣщеваніе, не очувствуясь въ своемъ жестокосердіи и не сжалясь пролитію крови въ злобѣ неучастныхъ, а защищая главныхъ злу зачинщиковъ и нарушителей покоя, отважились вооружиться и дѣйствіемъ предпріятаго ихъ оружія изъ корпуса, съ Генералъ-Маіоромъ Фрейманомъ отправленнаго, регулярнымъ и нерегулярнымъ убивство учинили, къ чему еще въ помощь и Киргизцевъ просили; да и за другія въ дѣлѣ знавшихъ ихъ дерзостныя соотвѣтствія и непослушанія, по силѣ вышеписанныхъ при дѣлѣ узаконеній, самые вышеписанному возмущенію зачинщики и въ скопахъ и заговорахъ бывшіе, смертію казниться должны. Того ради согласно приговорили по точности ближайшихъ къ преступленіямъ ихъ регуловъ, и именно: главнѣйшаго зачинщика, Сотника Ивана Кирпичникова, а по немъ во всѣхъ предпріятіяхъ начальствующихъ судей мятежнической партіи: Василія Трифонова, Терентія Сенгилевцева, Якова Неулыбина, Пономарева, Сотниковъ: Ивана Краденова, Ивана Полковника, Ивана Портнова, Андрея Азовскаго, Козьму Носова, Михайлу Чеботарева, Семена Артикеева, Есаула Емельяна Чемева, по силѣ соборнаго уложенія главы 2-й, статьи 21-й, и по артикуламъ 124 съ толкованіемъ и 137, описавъ въ казну, Ея Императорскаго Величества, ихъ пожитки и лишa живота, четвертовать, бывшаго Атамана Ивана Ульянова, Сотниковъ. Баранку Жумутова, Алексѣя Аржанова, Ивана Сетчикова, десятника Илжаса Кизѣкѣева; пятидесятника Ивана Макарьичева, бывшаго Есаула Гаврилу Сергѣева, Казаковъ: Савелія Чиганохаева, Калбуя Алкунпова, Романа Котикова, Петра Бугаева, Андрея Портнова, Ѳедора Свіягина, Петра Замѣшаева, Григорія Жигалина, Абдряшита Мулла, Аѳонасья Гладова, Ивана Трифонова, Петра Трифонова, Андрея Кирпичникова, Петра Пуговкина, Максима Лелѣкова, Петра Бизянова, Асаная Муханаева, Аирая Муртозина, Григорія Кабанова, Максима Кабаева, Илью Ульянова, Захара Горлова, Ивана Овчинникова, Никифора Любина, Василія Зателепина, Степана Кошечкина, Петра Погадаева, Алексѣя Ганьшина, Данилу Кочерешкина, Сергѣя Курочкина, отставнаго Леонтія Катанскаго, бывшаго Судіею Андрея Лобзенева, Сотника Федота Морковцева, по соборному уло-

женію главы 2-й статьи 21-й и по артикулу 137-му, повѣсить; а изъ оныхъ съ Пуговкина, изъ оставшаго имѣнія, за безчестіе депутату Акутину взыскать депутатскаго годоваго жалованія вдвое, Цебука, Чегаева, Баїгула Ашиктеева, Нима Бердина, Сюгумона Тайгутова, Шаїду Малайча, хотя они состояли съ послушной стороны, но по принужденію Сотника Баранки Жумутова, какъ Калмыцкаго Писаря Сабузю, ему, Жумутову, убить до смерти спомоществовали, такъ и противъ Генералъ-Маіора Фреймана выѣзжали, и сраженіе имѣли, и тѣмъ точными участниками злу здѣлались, по 53-му съ толкованіемъ, и 153-му артикуломъ, Козьму Обаева, онъ же и Кошкинъ, и Жамбу Царгина, кои также изъ послушной же стороны состояли, по съ его же, Жумутова, и еще Сотника же Быкова принужденія противъ Генералъ-Маіора Фреймана выѣзжали и въ сраженіи были, по тому же 53-му съ толкованіемъ, а по точности ближайшаго 137-го артикула повѣсить; Семену Матросову, Никитѣ Ерзикову, по 98-му и 128-му, Якову Барышникову по 128-му артикуламъ, отсѣчь голову; Алексѣя Матасова, Акима Лепехина, Михаїлу Новоженина, Ивана Ерина, Абросима Безлокотнова, Степана Павлова, Максима Выровщикова, Максима Шигаева, Михаїлу Кожевникова, Максима Рыкова, Алексѣя Мирошина, Потапа Мурзина, Павла Русакова, Сотника Тимофѣя Севрюгина, и Есаула Григорья Гутарева, въ примѣръ воинскаго 64-го артикула, наказать, по ихъ Казачему обыкновенію, нещадно плетьми; Савелья Фомичихина, Федора Логинова, Григорія Алферова, Ибрая Смаилова, Ивана Овчинникова и Матвѣя Гордѣева, по послѣдующему отъ Военной Коллегіи 771-го года, Декабря 16-го числа, указу, велѣно ихъ, Казаковъ, наказавъ плетьми, обрить бороды, отправить для написанія въ службу въ полки второй арміи; произшедшимъ мятежамъ не исполнено, кромѣ того что Смаилову и Овчинникову плетьми наказаніе учинено, въ сходство чего тотъ штрафъ и отправленіе въ армію въ полки учинить. Что же принадлежитъ до всего ихъ мятежническаго войска, которыхъ, по присланному отъ Яицкой Коммендацкой Канцеляріи списку, состоитъ, кромѣ находящихся въ укрывательствѣ пятидесяти трехъ, служащихъ тысяча девятъ сотъ пятьдесятъ два, отставныхъ не служащихъ пять сотъ девять, а всего двѣ тысячи четыреста шестьдесятъ одинъ человѣкъ; а кто оные, именамъ при дѣлѣ списки имѣются, присовокупляя къ нимъ нижеписанныхъ, которые, по приказаніямъ ихъ состоятъ слѣдующія: Яковъ Ходинъ, за ослушаніе въ неотправленіи за Калмыками и въ Кизляръ повелѣнныхъ командъ и за выходъ съ мя-

тежниками къ нападенію на Генералъ-Маіора Траубенберха, по-
начатіи пальбы ушелъ къ Подполковнику Бородину въ домъ, взявъ
сына его, Старшину Федора, сохранилъ, но послѣ паки отъ сто-
роны мятежниковъ въ Петербургъ отлучался; Екимъ Кочемасовъ съ
мятежниками на Генералъ-Маіора Траубенберха въ зборище выхо-
дилъ; и до начатія пальбы ушелъ, Саймарскаго Атамана Донскова
отъ мятежниковъ оборонилъ, но послѣ отъ стороны мятежа въ Пе-
тербургъ отлучался; Илья Арефьевъ въ числѣ мятежниковъ на Ге-
нерала Траубенберха выходилъ, а по окончаніи пальбы ушелъ въ
домъ и уѣхалъ на хутора, а послѣ отъ мятежниковъ въ Петер-
бургъ отлучился же; Иванъ Голованов, за ослушаніе въ неотпра-
вленіи за Калмыками и въ Кизляръ повелѣнныхъ командъ, кои
такъ же по принужденію, засвидѣтельствованному Старшиною Боро-
динымъ, не въ числѣ мятежническаго войска противъ Генералъ-Маіо-
ра Фреймана выѣзжалъ; Андреи Чановъ, хотя его точнаго призна-
нія и нѣтъ, чтобы на сраженіи былъ, однако жъ съ мятежнической
стороны состоялъ, и отъ Кирсановской церкви ушелъ, и при выѣз-
дѣ противъ Генерала Фреймана отъ мятежниковъ въ Гурьевъ го-
родъ онъ былъ посланъ; Андреи Курбетьевъ, хотя и показываетъ,
что только противъ Генералъ-Маіора Фреймана выѣзжалъ, а не всту-
пая въ сраженіе уѣхалъ въ городокъ, и будто бы въ случаѣ напа-
денія на Траубенберха, по минованіи стрѣльбы послушныхъ Каза-
ковъ защищалъ и до убивства не допущалъ, но въ томъ, по неимѣнію
отъ него доказательства, не засвидѣтельствовано; Петръ Антиповъ,
при нападеніи на Генералъ-Маіора Траубенберха, въ числѣ мятеж-
никовъ выходилъ, хотя и безъ оружія, и по минованіи стрѣльбы,
Старшину Мартеміяна Бородина, какъ онъ, Бородинъ, самъ свидѣ-
тельствовалъ, оборонилъ, но тѣмъ въ числѣ мятежа своимъ выхо-
домъ былъ участникъ, по тому жъ, яко сообщникъ скону, и загово-
ровъ, и участниковъ бунту, по уложенію главы 2-й статьи 21-й,
и по артикулу 137-му, всѣхъ висѣлицею казнить. Но о сихъ, что и
въ числѣ войска двухъ тысячь четырехъ стахъ шестидесяти одномъ,
по ихъ столь количеству, а тожъ и къ нимъ о присовокупленныхъ
семи человѣкахъ, для выше прописанныхъ обращеніевъ, не мо-
гутъ ли изъ нихъ сколько отъ смертной казни пощажены быть, въ
разсмотрѣніи къ вышнему разсужденію представляются артикулы
133, а въ сходствіе онаго о бѣглецахъ 95-го и 97-го съ толкованіемъ,
послѣднихъ въ бѣгахъ пятьдесять три человѣка, по точности бли-
жайшихъ соборнаго уложенія главы 2-й статьи 21-й и артикуловъ

98-го и 137-го, животы ихъ и имѣніе, описавъ въ казну Ея Императорскаго Величества, а когда пойманы, или сами явятся, всѣхъ повѣсить; дѣтей же ихъ мятежническихъ, каковыхъ, по присланному отъ Яицкой Коммендатской Канцеляріи списку значится отъ пятьнадцати лѣтъ и свыше триста шестнадцать человѣкъ, въ разсужденіи отцовъ ихъ учиненнаго злодѣйства, дабы впредь и отъ нихъ, яко произшедшихъ отъ роду злодѣйственнаго, состоянія таковаго къ попользованія и разширенія къ злу послѣдовать не могло, во истребленіе и пресѣченіе онаго, годныхъ написать въ полки въ солдаты, а негодныхъ, въ страхъ другимъ, наказать отъ пятнадцати и до семнадцати лѣтъ розгами, а семнадцати лѣтъ и свыше плетьми. Употребленныя же на производство сего дѣла за бумагу, сургучь, чернила, нитки и протчее, всего девятнадцать рублей двадцать одну копѣйку, такъ же и издержанныя на производство содержащимся при Коммиссіи, и съ тѣхъ мятежниковъ подъ арестомъ кормовыхъ денегъ сто шесть рублей три копѣйки, взыскать изъ имѣнія ихъ, мятежниковъ, и въ казну возвратить; а за тѣмъ все сіе предается въ разсмотрѣніе Высшней конфирмаціи.

А мнѣніемъ Господинъ Генералъ-Порутчикъ Оренбургскоій Губернаторъ и Кавалеръ Рейнсдорпъ полагаетъ: Хотя войска Яицкаго мятежники, по важности ихъ преступленія, по законамъ Ея Императорскаго Величества, и заслужили строгую казнь, однако, дабы оному впредь толь чувствительнѣе быть могло, надлежитъ, по мнѣнію его, въ показаніе, съ одной стороны, строгости, а съ другой Высочайшаго милосердія, учинить слѣдующее:

1-е. Изъ первыхъ изъ того мятежа зачинщиковъ, двадцати человѣкъ, шестерыхъ четвертовать и головы ихъ для страху воткнуть на колья, а другихъ шестерыхъ же повѣсить; а за тѣмъ:

2-е. Изъ протчихъ же къ смертной казни осужденныхъ пятнадцати человѣкъ, по одному изъ десяти съ жребью, такъ же повѣсить, а другихъ всѣхъ, бивъ кнутомъ и вырѣзавъ поздри, сослать въ ссылку въ Сибирь на Нерчинскіе заводы въ работу вѣчно.

3-е. Изъ тѣхъ, кои находятся въ побѣгѣ и пойманы будутъ, годныхъ въ службу, наказавъ шпицрутеномъ, опредѣлить въ заграничную армію, а негодныхъ, бивъ кнутомъ, сослать въ ссылку же.

4-е. Протчихъ же войска Яицкаго Старшинъ, Казаковъ и дѣтей ихъ, въ семъ злодѣйствѣ участіе имѣвшихъ преступленіемъ, онъ, Губернаторъ, представляетъ высшему Ея Императорскаго Величества разсмотрѣнію и милосердію; ибо они, будучи невѣжды, къ сему важному

преступленію привлечены больше выше означенными, къ строгой казни присужденными, бывшими ихъ повѣренными; только, однако ихъ, разграбленныя во время мятежа солдатскія, казенныя и Генералъ-Маіора Фонъ-Траубенберха и протчихъ Офицеровъ вещи и деньги, чего по слѣдствію не отыщется, взыскать съ нихъ по расположенію, также и на томъ мѣстѣ, гдѣ тѣла ихъ, Генералъ-Маіора и Офицерскія, похоронены, въ память сего печальнаго произшествія, построить ихъ же коштомъ монументъ.

Впрочемъ онъ согласенъ со мнѣніемъ Слѣдственной Коммиссіи.

Приказали: Какъ сіе дѣло произведено по именному Ея Императорскаго Величества высочайшему указу, данному Оренбургскому Господину Губернатору, то объ ономъ поднесть Ея Величеству всеподданнѣйшій докладъ и при томъ представить: Хотя вышеписанные мятежники, Казаки, за учиненный ими бунтъ, убивство Генералъ-Маіора Траубенберха, нѣкоторыхъ Офицеровъ, Атамана, Старшинъ и рядовыхъ, за принятіе оружія и дѣйствіе противъ корпуса Генералъ-Маіора Фреймана, и за посылку къ Киргизцамъ съ прозьбою о вспомоществованіи имъ, за всѣ безстрашныя и дерзкія предпріятія и непослушаніе, и подлежатъ, по строгости законовъ, приговоренной смертной казни, но, во уваженіи всегда изливаемаго Ея Императорскаго Величества ко впадающимъ въ преступленіе высочайшаго материяго милосердія, Военная Коллегія, по основанію именнаго, 754-го года, Сентября 30-го числа, указу, разсуждаетъ:

1-е. Приговоренныхъ къ смертной казни первыхъ и главнѣйшихъ зачинщиковъ, Сотника и Казаковъ: Ивана Кирпичникова, Василія Трифонова, Терентія Сингилевцева, Якова Неулыбина, Ивана Пономарева, Петра Краденова, Ивана Портнова, Андрея Азовскаго, Козьму Носова, Михайлу Чеботарева, Семена Артикеева, Емельяна Чемева, и къ тому бывшаго противъ корпуса Генералъ-Маіора Фреймана Атаманомъ, Ивана Ульянова, что онъ не только противъ корпуса, посланнаго ко усмиренію ихъ, въ противной партіи Атаманомъ былъ, но еще къ тому и Казака Гульчихина за докладъ, чтобы противъ Генералъ-Маіора Фреймана оруженно не поступать, бить плетьми и привязывалъ къ колесу, а другаго, Жигалина, изъ палатки выгналъ, чѣмъ и другимъ къ такой же противности поводъ подавалъ, такъ же Сотника Баранку Жумутова, Казаковъ: Василія Зателепина и Петра Погадаева, какъ они, кромѣ Зателепина, по произведеніи надъ

Генералъ-Маіоромъ Траубенберхомъ злаго дѣйствія, на другой уже день войсковаго Дьяка и Старшину Сутина, выведши изъ Канцеляріи, не только убили, но и надъ тѣломъ ругаясь, рѣзали и бросили въ рѣку, а Зателепинъ, хотя въ томъ Сутина убивствѣ и не признался, однако жъ такое жъ надъ Казакомъ Иваномъ Пыжилою убивство сдѣлалъ Жумутовъ, и еще ко убивству Калмыцкаго Писаря Сюгунова, состоящихъ не съ противной стороны, Калмыкъ пять человѣкъ, чрезъ устращиваніе, принудилъ, что ими исполнено, всѣхъ ихъ шестнадцать человѣкъ, наказавъ кнутомъ, вырѣзавъ ноздри и поставя знаки, сослать въ Сибирь на Нерчинскіе заводы въ работу вѣчно.

2-е. Изъ протчихъ же приговоренныхъ къ смертной казни, бывшихъ всѣхъ мягежнической шайки Казаковъ: Алексѣя Аржанова, Ивана Сетчикова, Илжасъ Кизекеева, Ивана Макарьичева, Гавріилу Сергѣева, Савелья Гиганахаева, Калбуя Алкунова, Романа Котятова, Петра Бугаева, Андрея Портнова, Федора Свіягина, Петра Замѣшаева, Григорія Жигалина, Абдрешита Муллу, Афонасія Гладова, Ивана Трифонова, Петра Трифонова, Андрея Кирпичникова, Петра Пуговкина, Максима Лелѣкова, Петра Бизянова, Асаная Муханаева, Ашрея Муртазина, Григорья Кабанова, Максима Кабаева, Илью Ульянова, Захара Горлова, Ивана Овчинникова, Никифора Любина, Степана Кошечкина, Алексѣя Ганьшина, Данилу Кочерешкина, Сергѣя Курочкина, Леонтія Катанскаго, Андрея Лабзенева, Федота Марковцова, Семена Матросова, Никиту Ерзикова, всего тридцать восемь человѣкъ, наказавъ кнутомъ, безъ знаковъ и вырѣзанія ноздрей, сослать съ женами и съ малолѣтными дѣтьми въ Сибирь, въ разныя мѣста на поселеніе.

3-е. Признавшихся въ убивствѣ Калмыцкаго Писаря Сюгунова Калмыкъ Цебука Чегаева, Бангула Аишктеева, Нимабердина Сугулюка, Тангутова, Шадду Малаича, въ разсужденіи, что они то убивство хотя и учинили, и противъ корпуса Генералъ-Маіора Фреймана выѣжали, но не изъ злаго предпріятія, но точно, какъ по дѣлу нашлось, изъ принужденія и устращиванія начальника ихъ, Сотника Жумутова, однако жъ со всѣмъ извинить ихъ не можно; ибо они къ такому злому дѣлу ни по какому страху приступать, хотя бы оное стоило ихъ жизни, были не должны, впредь къ предосторожности другихъ, наказавъ плетьми, послать для обмытія пролитоій крови въ службу противъ непріятеля безъ очереди.

4-е. А за тѣмъ достальныхъ, приличившихся къ тому же возмущенію въ сообществѣ Кузьмы Обаева, онъ же и Кошкинъ, Жамбу Царгина, въ разсужденіи, что они противъ корпуса Генералъ-Маіора Фреймана выѣзжали, таковаго же принужденія, какъ и выше о Калмыкахъ, Чегаевѣ съ товарищами показано, а равно Якова Барышникова, Алексѣя Матасова, Якима Лепехина, Михайлу Новоженина, Ивана Ерина, Абросима Безлокотнова, Степана Павлова, Максима Выровщикова, Максима Рыкова, Алексѣя Мирошина, Потапа Мурзина, Павла Русакова, Тимофѣя Севрюгина, Григорія Гутарева, Ивана Голованова, Илью Арефьева, Андрея Чанова и Андрея Курбетева, также Федора Логинова, Григорія Алферова, Ибрая Смаилова, Ивана Овчинникова и Матвѣя Гордѣева, всего двадцать пять человѣкъ, наказавъ плетьми, распредѣлить, молодыхъ въ разные армейскіе полки, а престарѣлыхъ въ Сибирскіе гарнизонные баталіоны, по разсмотрѣнію Губернатора.

5-е. Савелья Фомичихина, которой только за противность отправленіемъ въ Кизляръ, написанъ былъ къ отправленію во вторую армію, а по убитіи Генералъ-Маіора Траубенберха, по освобожденіи изъ подъ караула гвардіи Капитана Дурнова, нашедъ раненаго, отвелъ на его квартиру и пользованію его подлѣкаря посылалъ, и чтобы противъ Генералъ-Маіора Фреймана войско не выѣзжало, уговаривалъ также Максима Шигаева, Михайлу Кожевникова, Якова Ходина, Якима Кочемасова, Петра Антипова, кои, хотя съ мятежниками противъ Генералъ-Маіора Траубенберха и выходили, но видно раскаясь, отъ того злодѣйскаго предпріятія ушедъ изъ собранія, защитили отъ убивства бывшихъ съ послушной стороны Старшину Бородина съ сыномъ и Фуріера Рагожина; а хотя изъ нихъ, кромѣ Антипова, и заслуживали за отлучку въ Петербургъ штрафъ, но какъ и оное учинили они съ принужденія съ противной стороны, отъ приговореннаго наказанія освободить и оставить по прежнему въ войскѣ.

6-е. Что жъ до всего ихъ мятежническаго войска принадлежитъ, коего, по списку Яицкой Коммендантской Канцеляріи, кромѣ находящихся въ укрывательствѣ, пятидесяти трехъ служащихъ и отставныхъ, показано двѣ тысячи четыреста шестьдесять одинъ человѣкъ, то въ разсужденіи таковаго знатнаго количества, и что всѣ они большею частію къ сему дерзкому предпріятію приступили по поводу главныхъ ихъ развратниковъ, Кирпичникова съ товарищи, отъ сущаго невѣжества и по незнанію истиннаго своего благоденствія,

не соизволено ль будетъ, равно какъ и состоящихъ въ несовершенныхъ лѣтахъ Казачихъ дѣтей, отъ заслуженнаго по законамъ наказанія, изъ высочайшаго Ея Императорскаго Величества милосердія, помиловать и, утвердя всѣхъ въ вѣрности службы вновь присягою, оставить по прежнему въ ихъ жилищахъ, такъ же находящихся въ укрывательствѣ указами публиковать, если кто изъ нихъ, отступя отъ своего злодѣйскаго предпріятія и противности, самъ добровольно къ войску съ повинною, по обнародованіи сего, въ три мѣсяца явится, согласія къ мятежу и побѣговъ другихъ злодѣйствъ, грабежа и убивства, за ними не окажется, таковыхъ, освобождая отъ должнаго по законамъ наказанія и утверждая въ вѣрности службы вновь присягами, принимать по прежнему въ то жъ войско, а съ обличившимися въ грабежахъ и смертномъ убивствѣ, такъ же и съ тѣми, кои на положенный срокъ не явятся, а послѣ, или прежде, пойманы будутъ, Оренбургскому Губернатору поступать по законамъ?

7-е. А какъ по особо произведенному слѣдствію показано, при учиненномъ мятежѣ и бунтѣ, разграбленныхъ у воинскихъ чиновъ казенныхъ вещей на девяносто семь рублей сорокъ девять копѣекъ съ половиною, у убитыхъ, Генераль-Маіора Траубенберха и Атамана Тамбовцева и другихъ разнаго званія воинскихъ чиновъ, собственныхъ денегъ и пожитковъ на двадцать тысячь сто семь рублей семьдесятъ копѣекъ съ половиною, да по показаніямъ того жъ войска Казаковъ, на шестнадцать тысячь пять сотъ пятьдесятъ одинъ рубль девять копѣекъ съ половиною, то, во удовольствіе сихъ, безвинно пострадавшихъ, всѣхъ показанныхъ, заслужившихъ наказаніе, продерзателей, имѣнія Яицкой Коммендантской Канцеляріи описавъ, съ публичнаго торгу продать, а чего къ тому доставать не будетъ, расположа со всѣхъ бывшихъ въ мятежнической партіи, по состоянію каждаго имущества и промысловъ, взыскать вышеписанную сумму, и, возвратя прежде за казенныя вещи издержанный капиталъ, достальными обидимыхъ, по учиненіи каждому просителю о разграбленномъ имѣніи надлежащей присяги, такъ какъ мнѣніемъ Коммисскимъ положено, удовольствовать.

А болѣе все то, въ сходствіе мнѣнія Оренбургскаго Губернатора, о постановленіи въ память сего печальнаго произшествія, ихъ же мятежническимъ коштомъ, монумента, предать во всевысочайшее Ея Императорскаго величества соизволеніе и просить всемилостивѣйшаго указа.

Подлинной за подписаніемъ Военной Коллегіи.

1773-го года, Іюня 14-го дня.

II.

По указу Ея Императорскаго Величества Генералъ-Поручикъ, Оренбургской Губернаторъ и Кавалеръ Рейнсдорпъ, разсматривая дѣло о разстригѣ, бывшемъ въ войскѣ Яицкомъ попѣ, Михайлѣ Васильевѣ, который въ произшедшій въ томъ войскѣ мятежъ сказался въ слѣдующихъ продерзостяхъ: что онъ, Васильевъ, какъ отъ тамошняго Протопопа, Дмитрія Федоровича, объявлено, войско Яицкое къ возмущенію приводилъ, а при отправленіи службы противъ согласной стороны съ войскомъ военною рукою шелъ и присягою оныхъ обязывалъ, при походѣ жъ къ сраженію первыхъ предводителей, а при послѣднемъ противу арміи Господина Генералъ-Маіора Фреймана походѣ жъ, зачинщикъ и возмутитель былъ; а отъ Казаковъ: Сергѣева и Ходина, что онъ при походѣ жъ мятежниковъ на покойнаго Генералъ Маіора Фонъ-Траубенберха молебствіе отправлялъ и изъ Петропавловской церкви въ мятежническое войско образъ выдавалъ, въ чемъ хотя онъ, Васильевъ, въ прежде учиненныхъ ему въ Коммиссіи допросахъ и запирался, однако, будучи пристрастно подъ битіемъ батоговъ спрашиванъ и показывалъ. Какъ же Яицкіе мятежники намѣрены были противъ покойнаго Генералъ-Маіора Фонъ-Траубенберха итти вооруженною рукою, то, де, ему отъ нихъ объявлено о томъ было, и онъ, де, Васильевъ ихъ въ томъ разсужденіи, что они будутъ ли живы, 11-го числа Генваря, сего года, исповѣдывалъ, и по ихъ просьбѣ, чтобы имъ Богъ даровалъ надъ тѣмъ Генералъ-Маіоромъ и его командою побѣду, молебствіе отправлялъ, и присягою, чтобы они противъ его, Генералъ-Маіора, стояли, единодушно оныхъ обязывалъ; а во время бывшаго на него, Генералъ-Маіора, отъ мятежниковъ нападенія съ войскомъ, его военною рукою нашелъ и никакого образа въ мятежническое войско не выдавалъ, да и противъ Господина Генералъ-Маіора Фреймана вооруженною рукою выѣзжать не возмущалъ, въ чемъ, де, онъ, Васильевъ, при довольно учиненномъ ему увѣщаніи, чинилъ запирательство; однако жъ, какъ выше объявлено, напослѣдокъ, по снятіи съ него чрезъ здѣшнее духовное правленіе сана, съ пристрастнаго распросу въ томъ, что о возмущеніи ихъ мятежническомъ ему объявлено было, и ихъ онъ предъ самымъ почти нападеніемъ исповѣдывалъ, богопротивное молебствіе отправлялъ и присягою, чтобы они стояли единодушно, обязывалъ, признался. И такъ столь дѣйствительнаго возмутителей и преступниковъ высочайшихъ Ея Императорскаго Величества узаконеній, за что хотя и подвергъ себя по силѣ, соборнаго

уложенія 2-й главы 19-й статьи и воинскаго 137-го артикула, смертной казни, т. е., повѣшенію, однако въ слѣдственной Коммиссіи, по мнѣнію положено: какъ онъ, Васильевъ, уже священическаго сана лишенъ, и что претерпѣлъ пристрастные распросы, то и въ разсужденіи сего, сообразуя безпрекладное Ея Императорскаго Величества высокоматернее ко всѣмъ впадшимъ въ вины милосердіе, учинить ему, Васильеву, по силѣ именнаго Ея Императорскаго Величества, 1754-го года, Сентября 20-го дня, состоявшагося указа, вмѣсто смерти, жестокое наказаніе кнутомъ и, вырѣзавъ ноздри, сослать въ каторжную работу на Нерчинскіе заводы вѣчно. А какъ мнѣніе той Коммиссіи представлено къ нему, Генералъ-Порутчику и Кавалеру, съ такимъ предписаніемъ, какъ оное дѣло гражданскаго, а не воинскаго, суда, то бъ съ нимъ, Васильевымъ, и поступитъ ему, Генералъ-Порутчику и Кавалеру, по своему разсмотрѣнію. И хотя по разсмотрѣнію его, Генералъ-Порутчика и Кавалера онъ, Васильевъ, за тѣ свои важныя продерзости, конечно, вышеозначенной въ Слѣдственной Коммиссіи присужденной казни достойной себя учинилъ, однако жъ, какъ онъ уже за то лишенъ толь знатнаго сана и при судѣ тѣлесно истязыванъ, къ тому же весьма старъ, того ради опредѣлили, учинить ему, Васильеву, въ Яицкомъ городкѣ наказаніе: высѣчь, вмѣсто кнута, плетьми нещадно, и по наказаніи, съ женою его, буде имѣетъ, и съ малолѣтными дѣтьми, отправить въ Сибирь на поселеніе. Чего ради съ протчими мятежниками и отправить его въ тотъ Яицкой городокъ, адресовавъ къ Господину Подполковнику Симонову, коему, по наказаніи, для выше писаннаго въ Сибирь отправленія, велѣть его, Васильева, сюда жъ съ протчими возвратить; и когда онъ, Васильевъ, отъ него, Симонова, присланъ будетъ, тогда его въ Сибирь и отправить, сообща о состояніи его къ Сибирскому Господину Губернатору.

Подлиное подписалъ тако:

Иванъ Рейнсдорпъ.

По листамъ: Титулярный Совѣтникъ Петръ Чучаловъ.

III.

Объявленіе

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕЙ ГОСУДАРЫНИ ЕКАТЕРИНЫ ВТОРЫЯ, ИМПЕРАТРИЦЫ И САМОДЕРЖИЦЫ ВСЕРОССІЙСКІЯ, ОТЪ ГЕНЕРАЛА И КАВАЛЕРА, ГРАФА ПЕТРА ПАНИНА, ОПРЕДѢЛЕННАГО И УПОЛНОМОЧЕННАГО ОТЪ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА КЪ ПРЕСѢЧЕНІЮ МЯТЕЖА.

Я, Графъ Петръ Панинъ, всѣмъ жителямъ порученныхъ мнѣ Губерній усердно желаю благоденственнаго и безмятежнаго житія и, по данному мнѣ отъ Ея Императорскаго Величества полномочію, силѣ и власти, объявляю тѣмъ, до кого сіе принадлежать будетъ:

Всякой истинной Христіянинъ, всякой вѣрной рабъ Всемилостивѣйшей нашей Государыни, и всякой достойной сынъ отечества объемлется отвращеніемъ и ужасомъ, взирая на разореніе, опустошеніе и убивство, производимыя нынѣ лютымъ и богомерзкимъ злодѣемъ и извергомъ, Емельяномъ Пугачовымъ, и его отъ части простодушными, а отъ части злохитрыми и богопротивными, сообщниками.

Но дабы болѣе возгнушался всякъ варварскими ихъ дѣлами, представимъ себѣ, кто есть сей адскій человѣкъ, въ котораго безъ сомнѣнія вселился злый духъ, враждующій роду человѣческому, и разсмотримъ, какимъ невѣроятнымъ коварствомъ обольщаетъ онъ людей простодушныхъ.

Онъ есть бѣжавшей съ службы Донской Казакъ. Знаютъ его всѣ Донскіе Казаки. Многіе изъ храбраго войска нашего такъ же его знаютъ; ибо онъ служилъ съ ними въ Польшѣ и въ началѣ Турецкой войны, нынѣ прекратившейся. Женатъ онъ на Дону на Казачьей дочери, которая и съ прижитыми съ нимъ дѣтьми, равно какъ и вся семья его, явились въ Казань къ покойному Генералу Бибикову. Прежде нежели предалъ сей злодѣй совершенно душу свою діяволу и сталъ бунтовщикомъ противъ Бога и своей Монархини, уже всякой изъ Казаковъ товарищь его зналъ названіе Емельки Пугачова презрительнымъ и позорнымъ по гнусному и безбожному его поведенію.

Вотъ кто нарушилъ тишину народную. Вотъ кто лѣтъ рѣки Христіянской крови. Вотъ кто дерзаетъ ругаться матерью нашею святою Церковію и терзать ее злодѣяніями, несносными слуху вѣрующихъ во Христа Спасителя. И все сіе подъ такимъ предлогомъ

производитъ, котораго нелѣпость и невѣроятность всякому ощутительна, а имянно: онъ принялъ на себя имя покойнаго Императора Петра Третьяго, которой, тому уже двѣнадцать лѣтъ, скончался и при собраніи цѣлаго города Санктпетербурга погребенъ всенародно въ Невскомъ монастырѣ. Кто не вѣритъ тому, что многія тысящи нынѣ живыхъ людей видѣли своими глазами, тотъ долженъ быть подобенъ безсловесному животному, а кто тому вѣря, утверждаетъ, однако, первыхъ въ слѣпотѣ ихъ разсудка, тотъ есть врагъ истины, врагъ отечества, возмутитель, достойной сопреступникъ Емельки Пугачова.

О благочестивые мои сограждане! Доколѣ видѣть намъ храмы Божіи, гдѣ мы святое воспріяли крещеніе, гдѣ тѣлеса предковъ нашихъ въ Бозѣ почиваютъ? Доколѣ сіи храмы видѣть намъ оскверняемыми, превращаемыми въ конюшни Емелькою Пугачовымъ и его нечестивыми сообщниками; священные сосуды, изъ коихъ пріобщаются правовѣрные тѣла и крови Господа нашего, похищаемые злодѣями и употребляемые на безпутное и мерзостное ихъ піянство; святыя иконы раскалаемыя на дрова для варенія пищи людямъ богомерзкимъ; священниковъ и церкви служителей умерщвляемыхъ лютою смертію? Доколѣ видѣть намъ смерть Православныхъ, смерть ближнихъ нашихъ, поруганіе женъ и дѣвицъ, и собственное бѣдствіе отъ руки злодѣйской? Доколѣ видѣть намъ домы наши разоряемые, поля опустошаемыя, имѣніе расхищаемое? Словомъ, доколѣ влачить жизнь бѣдственную, мятежную и позорную, и быти жертвою такого изверга, каковъ есть Емелька Пугачовъ и его злодѣйскіе сообщники?

Но уже насталъ конецъ долготерпѣнію Всевышняго. Святая десница его подъемлется на казнь, ей противоставшихъ. Уже мечь правосудія помазанницы Его, Великія Екатерины, матери Отечества, обнаженъ на преступниковъ, и по заключеніи нынѣ славнаго и полезнаго съ Турками мира, обѣ арміи входятъ спѣшно въ предѣлы отечества и стекаются со всѣхъ сторонъ на погубленіе бунтовщиковъ и злодѣевъ; и я, предводитель Христоименитыхъ Ея воиновъ, во имя Господа отмстителя невинной крови, стремлюсь на истребленіе злочестивцевъ, мятежниковъ и богопротивниковъ.

При всемъ же томъ, внимая человѣколюбію Всемилостивѣйшей нашей Государыни, и прежде нежели силою ввѣреннаго мнѣ войска истребится память злодѣевъ отъ лица земли, увѣщеваю здѣсь

въ послѣдній разъ совратившихся отъ пути истиннаго. Раскайтесь преступники, сопричтитесь паки числу Православныхъ, впадите въ повиновеніе Господу, Монархинѣ и властямъ отъ нихъ поставленнымъ! Безпримѣрное милосердіе Всемилостивѣйшей Матери Отечества отверзаетъ вамъ сіи многіе пути ко спасенію:

1. Находящіеся при немъ, злодѣѣ Пугачовѣ, оставя его, да возвращаются съ раскаяніемъ къ Губернаторамъ и Воеводамъ провинціальныхъ и уѣздныхъ городовъ, откуда они, получа письменные виды о своемъ прощеніи, могутъ итти въ свои жилища.

2. Естьли кому Богъ поможетъ, изловя самаго злодѣя Пугачова, привести къ ближнему воинскому, или городовому, начальнику, живаго, тому дастся отъ меня въ награжденіе десять тысячь рублевъ и естьли онъ не въ подушномъ окладѣ, то получитъ при томъ отъ Ея Императорскаго Величества и знатныя отличности и выгоды какъ себѣ, такъ и всему своему роду; а естьли находится въ подушномъ окладѣ, то какъ онъ самъ, такъ и потомки его въ роды родовъ свободны будутъ отъ всякихъ Государственныхъ поборовъ, податей и рекрутскаго набору. Естьли же кто можетъ привезти хотя и мертвое тѣло самаго злодѣя Пугачова, тотъ получитъ денежное награжденіе пять тысячь рублевъ.

3. Кто привезетъ живаго, или привезетъ мертваго одного, а еще и паче многихъ изъ его измѣнническихъ Старшинъ, или и рядовыхъ бунтовщиковъ, тому такъ же выдано будетъ денежное награжденіе.

4. Въ тѣхъ деревняхъ, гдѣ мятежники, забывъ слово Божіе, въ святомъ Евангеліи изреченное: Нѣсть власти, яже не отъ Бога, подговоря крестьянъ и прочихъ людей къ возмущенію противъ помѣщиковъ, прикащиковъ и старостъ, содержать сихъ въ оковахъ, или уже и отвезли въ злодѣйскіе толпы; естьли кто зачинщиковъ, такого возмущенія переловитъ и представитъ къ военнымъ, или городскимъ, ближнимъ начальникамъ, тотъ, хотя бы самъ былъ прежде участникомъ въ мятежѣ, за сію услугу будетъ не только прощенъ, но и получитъ денежное награжденіе.

5. Убѣгающимъ отъ него, злодѣя, къ помянутымъ командирамъ съ извѣстіями о его силѣ и о намѣреніяхъ дано будетъ не малое, такъ же денежное, награжденіе, смотря по важности услуги.

6. При такомъ своемъ побѣгѣ подговорившіе съ собою многихъ изъ его толпы сугубо награждены будутъ.

7. Холопы и крестьяне, которые сдѣлались ослушны противъ господъ своихъ, и которые хотя и держатъ ихъ донынѣ у себя подъ карауломъ злодѣйскимъ, ежели свободятъ ихъ и придутъ къ ближнимъ командирамъ воинскимъ, или гражданскимъ, съ повинною, получатъ прощенія.

8. Кто таковыхъ убійцъ, или держателей, у себя подъ карауломъ своихъ помѣщиковъ и другихъ всякихъ своихъ начальниковъ, освободя прежде сихъ несчастныхъ изъ ихъ рукъ, приведетъ къ тѣмъ же командирамъ, то по тому жъ награжденъ и за вѣрныхъ дѣтей отечества признаны будутъ.

Естьли же кто и за симъ самымъ послѣднимъ моимъ увѣщаніемъ останется при немъ, злодѣѣ Пугачовѣ, и ему въ чемъ бы то ни было будетъ помогать, или же въ селахъ и жилищахъ своихъ продолжать станетъ безпорядки и мятежи противъ помѣщиковъ, то уже таковый врагъ Богу, Церкви и государству, никакимъ образомъ отъ лютѣйшой по законамъ смертной казни не избѣгнетъ.

Создатель всего міра, Господь, видяй сердце мое, да будетъ посредникомъ между мною и внимающими сему послѣднему увѣщанію въ томъ, что я, по данной мнѣ отъ Монархини моей полной мочи, власти, силѣ и довѣренности, все объявляемое мною въ народное извѣстіе, непреложно, непарушимо и свято сохраню и исполню, то есть: пощада, помилованіе и награжденіе послѣдуютъ съ отстающими отъ злодѣя; и я первой буду ходатаемъ у Монаршаго престола о возвращеніи имъ прежней Императорской милости, яко и ко всѣмъ вѣрнымъ Ея подданнымъ; но напротивъ того неизбѣжная и лютая казнь не минетъ ни коимъ образомъ окаменѣнныхъ ослушниковъ сего увѣщанія.

Отъ Архипастырей и всѣхъ духовныхъ властеи испрашиваю, чтобъ повелѣли они священникамъ во всѣхъ епархіяхъ своихъ сіе увѣщаніе мое читать въ церквахъ по окончаніи Божественныя литургіи, а всякимъ воинскимъ и гражданскимъ командирамъ, какого бы званія и въ какихъ мѣстахъ ни были, предписую, по данной мнѣ отъ Ея Императорскаго Величества власти, сіе мое объявленіе вездѣ по приличнымъ мѣстамъ прибить на прочтеніе и услышаніе всѣхъ и каждаго. Учинено на маршѣ со ввѣренными мнѣ отъ Августѣйшія Монархини моей войсками. 1774 года.

Графъ Петръ Паниинъ.

IV.

Копія.

Указъ нашей Оренбургской Секретной Коммисіи.

Великое число содержащихся въ Оренбургѣ колодниковъ побудило насъ учредить подъ вѣдомствомъ Губернатора Секретную въ Оренбургѣ Коммисію, тѣмъ болѣе что нынѣ, по разбитіи злодѣя Пугачова письменные дѣла его забраны и главные его сообщники и друзья пойманы, отъ которыхъ, чрезъ стараніе Коммисіи, могутъ открыться не только всѣ злодѣйскія предпріятія, замыслы, намѣренія, можетъ быть, и сношенія съ людьми, въ преступленіи еще не извѣстными, но и самыя начальныя притчины, споспѣшествующія Пугачову къ побѣгу изъ Казани, такъ и то, какимъ образомъ онъ по побѣгѣ началъ разглашать о принятомъ имъ имени, и что главнымъ удостовѣреніемъ служило ему въ народѣ, словомъ сказать, откроется многое не только къ свѣдѣнію, но и къ соображенію нужное, посредствомъ порядочно выведенной исторіи злодѣя Пугачова. Мы не сомнѣваемся, чтобъ Коммисія, не употребила всѣхъ силъ къ достиженію всего выше предписаннаго, сколько по долгу вѣрноподданнической присяги, столько и по собственной вѣрности и усердію къ намъ и отечеству, тѣмъ болѣе, что таковыя увѣдомленія будутъ способствовать въ усмиреніи злодѣевъ и въ совершенномъ успокоеніи всего тамошняго края, и чрезъ то можетъ заслужить наше благоволеніе и дальнѣйшую довѣренность. Также старайтесь узнать, кто сочинитель Нѣмецкаго письма, отъ злодѣевъ въ Оренбургъ присланнаго, и нѣтъ ли между ими чужестранцовъ, и, не смотря ни на какихъ лицъ, увѣдомте меня о истинѣ.»

Подлинной подписанъ собственною Ея Императорскаго Величества рукою тако:

ЕКАТЕРИНА.

Апрѣля 26-го дня,
1774-го года.

V.

Извѣщаніе

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЯ ГОСУДАРЫНИ, ЕКАТЕРИНЫ ВТОРЫЯ, ИМПЕРАТРИЦЫ И САМОДЕРЖИЦЫ ВСЕРОССІЙСКІЯ, ОТЪ ГЕНЕРАЛА И КАВАЛЕРА ГРАФА ПЕТРА ПАНИНА, ОПРЕДѢЛЕННАГО И УПОЛНОМОЧЕННАГО ОТЪ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА КЪ ПРЕСѢЧЕНІЮ МЯТЕЖА.

Симъ каждый увѣдомляется.

Несомнѣнно всякому, обитающему въ Россіи, уже извѣстно о причиненныхъ злодѣяніяхъ съ Дону Казака Емельки Пугачова, подъ самозванствомъ въ имени давно уже скончавшагося Императора Петра третьяго, на истребленіи котораго со возженными отъ него бунтами всемилостивѣйше отъ Ея Императорскаго Величества мнѣ препоручено главное начальство надъ всѣми отряженными къ тому намѣренію войсками. А какъ Божіимъ Промысломъ, благословляющимъ всѣ дѣянія нашей Августѣйшей Великой Императрицы, высочайшимъ Ея Величества счастіемъ, вѣрностію, неутомленными трудами и храбростію врученныхъ мнѣ войскъ, сей государственной врагъ, самозванецъ и измѣнникъ Пугачовъ, со всею его бунтовщичьею толпою, минувшаго Августа 25 го числа не только разбитъ на голову между Царицынымъ и Чернымъ Яромъ, и принужденъ былъ съ малымъ весьма числомъ своихъ присныхъ наперсниковъ броситься ко исканію еще спасенія своей проклятой жизни въ Саратовскія степи, но и тамъ отъ преслѣдующихъ нашихъ неутомленныхъ воиновъ и истинныхъ сыновъ отечества, принужденъ былъ, Сентября 14 дня, при рѣчькахъ Узени впасть въ ихъ руки, и теперь окованный подъ стражею, отъ меня отряженною, содержится и везется къ полученію за его беззаконія и злодѣянія заслуженной кары, отъ правосуднаго Престола благополучно владѣемаго нашею законною Великою Государынею, каяся самъ, какъ въ своихъ проклятыхъ окаянствахъ, такъ и въ томъ, что онъ истинной Казакъ Донской,

Емельянъ Пугачовъ, бѣглой и воспріявшій самозванство имени Императора Петра Третьяго, для бунтовщичьяго своего токмо злонамѣренія. Я симъ о томъ извѣщаю, дабы каждой, обитающій въ Россіи, снознавъ сію истину во всей точности, не только никогда не впадалъ въ какія либо поползновенія по происходимымъ объ оном разглашеніямъ, но чтобы каждый, по долгу вѣрности ко владѣющей своей Государынѣ и къ отечеству, всякаго иногда о томъ вредно разглашающаго, или снознавши укрывающихся изъ сообщниковъ сего государственнаго бунтовщика, ловя, представлялъ къ начальствамъ, яко сущихъ измѣнниковъ и враговъ всей Имперіи, съ тѣмъ, что кто поползнется разглашеніямъ о семъ искорененномъ уже самозванцѣ и бунтовщикѣ инако вѣрить, нежели здѣсь самая истина о немъ объявляется, или кто дастъ у себя укрывательство сообщникамъ онаго самозванца, или же вѣдая гдѣ нѣкоторые можетъ быть, малые остатки изъ разсыпавшихся пристаютъ, и о томъ не объявитъ, тотъ каждой будетъ признанъ въ равномъ противу государства злодѣяніи, какъ самъ бунтовщикъ, и будетъ оружіемъ Ея Императорскаго Величества безъ всякой пощады до самаго его истребленія, или до поимки къ заслуженной казни, по строгости всѣхъ Государственныхъ законовъ гонимъ и преслѣдованъ.

Оканчиваю сіе извѣщаніе всеусерднымъ моимъ желаніемъ, дабы возстановляемо нынѣ вожделѣнное спокойствіе внутри страдавшихъ отъ проклятаго изверга Пугачова Губерніяхъ, утверждалося день отъ дня болѣе и болѣе, и обновилось бы паки для всѣхъ безъ исключенія вѣрныхъ Россіанъ, подъ мудрою и кроткою державою Великія нашея Самодержицы, совершеннѣйшее, какое токмо быть можетъ, всеобщее благоденствіе въ роды и роды. Дано на маршѣ, 1774 года, Сентября 25 числа.

Графъ Петръ Паниинъ

VI.

Копія.

УКАЗЪ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, САМОДЕРЖИЦЫ ВСЕРОССІЙСКОЙ, ИЗЪ УЧРЕЖДЕННОЙ ВЪ ОРЕНБУРГѢ ПО ВСЕВЫСОЧАЙШЕМУ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ИМЯННОМУ УКАЗУ СЕКРЕТНОЙ КОММИСІИ.

Объявляется всенародно.

Всѣмъ уже и каждому довольно извѣстно, сколь безстрашно и ухищренно злодѣй, бунтовщикъ и измѣнникъ, бѣглой Донской Казакъ, Емелька Пугачовъ, отважился безъ всякаго подобія и вѣроятности, принять на себя имя покойнаго Императора Петра Третьяго, и сколь много къ язвленію нашего государства распространилъ онъ свои злодѣянія, пользуяся невѣжествомъ и буйствомъ единственныхъ простяковъ, которые, по легковѣрію своему, такъ слѣпо отдавались во уловленіе пагубныхъ его сѣтей, обольщаяся на несодѣянныя его лжесплетенныя письма, которыя, равно и богомерзкіе его значки, Коммисія собравъ не малое число, опредѣлила всѣ оныя здѣсь, на площади, чрезъ палача публично изтребить огнемъ, что на семъ мѣстѣ теперь и исполняется, съ такимъ при томъ каждому пайстрожайшимъ подтвержденіемъ, что естьли кто и до нынѣ еще зараженной буйствомъ и измѣною не останетца увѣренъ, что сей разбойникъ и самозванецъ Пугачовъ, ко всеобщей радости, со всѣми его главными единомышленниками, пойманъ и содержитца во оковахъ, и будетъ о семъ иначе толковать и додавать вѣру какому либо злодѣйскому разглашенію, и не будетъ усердствовать въ доказательство вѣрности своей къ Ея Императорскому Величеству, ко искорененію таковыхъ, тотъ неизбѣжно уже безъ всякаго помилованія подвергнетъ себя лютѣйшой смертной казни.

Подлинной подписалъ:

Гвардіи Капитанъ Александръ Лупинъ.

Сентября 29-го дня,
1774 года.

VII.

Письмо

КАЗАНСКАГО ДВОРЯНСТВА КЪ А. И. БИБИКОВУ СЪ ОПРЕДѢЛЕНІЕМЪ ОНАГО СОСТАВИТЬ ИЗЪ СВОИХЪ ЛЮДЕЙ ВООРУЖЕННОЙ КОННОЙ КОРПУСЪ.

Милостивый Государь,
Александръ Ильичъ!

Всемилостивѣйшее Ея Императорскаго Величества благоволеніе, Вашимъ Высокопревосходительствомъ Казанскому Дворянству, объявленное, пріемлемъ мы съ величайшею радостію и благоговѣніемъ; а учиненное потомъ Вами, Милостивый Государь, представленіе преисполнило сердца наши найвящщимъ еще усердіемъ къ защищенію Отечества.

Всевысочайшая Ея Величества воля во отправленіи сюда Вашего Высокопревосходительства, со властію и силами ко искорененію извѣстнаго злодѣя и его сообщниковъ и къ возстановленію покоя нашего, есть дѣйствія праведнаго и мудраго Ея проницанія, Вы сами, Милостивый Государь, изволили видѣть, съ какимъ искреннимъ признаніемъ каждый изъ насъ принималъ тѣ истинныя побужденія должности къ великой нашей Императрицѣ и горячаго усердія къ любезной Матери отечества, и что всѣ съ радостію желали и желаютъ жертвовать ей своими силами, имѣніемъ, покоемъ, да и самою жизнію.

На семъ непреложномъ основаніи Казанское Дворянство, будучи одобрено Вашимъ присутствіемъ, съ искреннѣйшимъ усердіемъ опредѣлило составить, изъ своихъ собственныхъ людей, изъ своихъ иждивеніевъ вооруженной конной корпусъ, къ соединенію онаго съ войсками, находящимися подъ командою Вашего Высокопревосходительства, а поднося при семъ тому планъ, всенижайше просимъ воспріять сіе наше усердное Ея Императорскому Величеству приношеніе.

А наконецъ, Милостивой Государь, искреннія наши желанія въ томъ состоятъ, чтобы Всевышній низпослалъ Вамъ благополучнѣйшіе успѣхи въ скорѣйшемъ окончаніи важной сей експедиціи истребленіемъ злодѣевъ и возстановленіемъ всему краю благоденствія и покоя, и увѣнчалъ бы все то великою и знаменитою Вашею услугою Августѣйшей нашей Государынѣ и отечеству.

1774-го года, Генваря 1-го дня, собравшееся Казанское Дворянство, по бѣдственнымъ, въ Оренбургской Губерніи произшедшимъ, отъ злодѣя Пугачова, обстоятельствамъ, которыя уже и здѣшней губерніи, нѣкоторыя прилежащія къ границѣ Оренбургской, селенія бунтомъ и измѣною заразили, къ скорѣйшему искорененію сего зла и къ возстановленію всеобщаго покоя и собственной своей безопасности, а всего наипаче сострадая огорченію материяго и человѣколюбиваго сердца премудрой и милосердой нашей Императрицы, усердно, согласно и единодушно, всѣ и каждой, положили и утвердили, посвятить свой покой и имѣніе и жизнь въ услугу Ея Величества и Отечеству.

Въ слѣдствіе сего на первый случай и въ самой скорости, какъ только возможно, собрать конный корпусъ войскъ изъ собственныхъ своихъ людей и иждивенія съ числа двухъ сотъ душъ по одному человѣку вооружить и снабдить всѣмъ потребнымъ къ службѣ, и просять Его Высокопревосходительство, Господина Генералъ-Аншефа, Лейбъ-гвардіи Маіора и Кавалера, Александръ Ильича Бибикова, о присоединеніи онаго къ войскамъ Ея Величества, подъ достохвальною его командою находящимся, а за тѣмъ всѣмъ и каждому особливо пріуготовить себя на всякой потребной случай къ защищенію отечества, не щадя жизни своей.

Сочиненіе опредѣленнаго Корпуса не токмо съ числа наличныхъ дворянъ, нынѣ собравшихся, но и о всѣхъ дворянскихъ деревень здѣсь находящихся, учинить, дабы не лишить и отсутственныхъ дворянъ, таковаго жъ, какъ и нашего, усердія и ревности къ споспѣшествованію общаго блага.

А кто изъ насъ хотя и въ другихъ уѣздахъ здѣшней губерніи имѣетъ свои деревни, за тѣхъ по тому жъ положенію, къ умноженію сего корпуса, представить вооруженныхъ людей обще съ тѣми, что и за здѣшнія деревни представлены будутъ. Равнымъ образомъ, чтобы поспѣшествовать ревности и усердію къ отечеству при семъ нужномъ случаѣ и всѣмъ дворянамъ Казанской губерніи, то просимъ Его Высокопревосходительство, Господина Генералъ-Аншефа и Кавалера, чтобы соизволилъ отъ себя сообщить въ провинціи и города къ дворянскимъ Предводителямъ, почему и они не оставятъ учинить подобное нашему вооруженію. Къ сему нашему корпусу избрали мы, по извѣстной ревности къ службѣ и по оказуемой усердности при нынѣшнемъ случаѣ, Шефомъ Господина

Генералъ-Маіора Ларіонова, а къ командованію ескадронами и ротами, по самоизвольному ихъ ревностному желанію, Господина Полковника Николая Толстова, Подполковника Дмитрія Молостова, Лейбъ-Гвардіи Капитанъ-Поручика Александра Толстова, Артилеріи Капитана Дмитрія Родіонова, Секундъ-Маіора Сергѣя Тютчева, Капитана Сергѣя Левашева, Титулярнаго Совѣтника Алексѣя Мельгунова, Подпорутчика Михайла Голоницкаго, въ Адъютанскія должности, Лейбъ-гвардіи Фурьера Якова Кудрявцева, Капрала Никанора Нармоцкаго, а въ добавокъ къ тому сколько иногда потребно будетъ Офицеровъ, выбрать дворянству и отослать къ избранному Господину Шефу; что же принадлежитъ до Унтеръ-Офицеровъ и капраловъ, о томъ просить его Высокопревосходительства, чтобъ соизволилъ приказать опредѣлить оныхъ изъ прибывшихъ сюда Гусарскихъ ескадроновъ.

Дѣйствительное окончаніе сего дѣла поручаемъ мы: пріемъ людей и лошадей, вооруженіе, обмундированіе и прочее къ тому, избранному Господину Шефу со опредѣленными Штабъ и Оберъ-Офицерами, о росписаніи о, зборѣ людей и лошадей и о всемъ прочемъ, по сему опредѣленію, что до того принадлежитъ, Господину Статкому Совѣтнику и Казанскаго дворянства Предводителю Кудрявцову съ дворянами.

О всемъ, что ни учинено симъ опредѣленіемъ, Господину Предводителю донести Его Высокопревосходительству, Господину Генералъ-Аншефу и Кавалеру и Казанскому Губернатору, Якову Ларіоновичу Фонъ-Бранту, а къ Его Высокопревосходительству Господину Генералъ-Аншефу и Кавалеру Александръ Ильичу Бибикову, представить, при письмѣ отъ насъ, самое сіе наше опредѣленіе, которое, такъ же и письмо, подписать отъ лица всѣхъ насъ Дворянскому Господину Предводителю, а подписанное нами опредѣленіе и письмо оставить ему у себя.

VII.

РѢЧЬ, ГОВОРЕННАЯ ШЕФОМЪ ДВОРЯНСКАГО КОРПУСА, ЛАРІОНОВЫМЪ, ВЪ СОБРАНІИ ДВОРЯНСКОМЪ, ПРИ ОБЪЯВЛЕНІИ ДВОРЯНАМЪ ВСЕМИЛОСТИВѢЙШАГО БЛАГОВОЛЕНІЯ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА КО ВСЕМУ КАЗАНСКОМУ ДВОРЯНСТВУ.

Я за прекрасный день жизни моей почитаю, когда, при всеобщемъ приношеніи отъ всеподданнѣйшаго благодаренія Великой нашей Императрицѣ отъ лица сего родившаго или еще рождающагося изъ усердія и вѣрноподданнической любви къ Августѣйшей нашей Матери мнѣ ввѣреннаго корпуса.

Позвольте съ благоговѣніемъ прейти молчаніемъ, гдѣ силы разума моего великость чувствъ нашихъ обнять и возблагодарить не могутъ и желать.

И Васъ, дражайшій нашъ вождь и содѣтель сего въ жизни нашей счастія всеусердно просимъ, да подашь намъ случай кровію и жизнію возблагодарить материнскому Ея благоволенію. Остатокъ дней моихъ благоволилъ Богъ увѣнчать симъ благоугоднымъ дѣломъ Ея Императорскому Величеству, то сугубо я обязанъ послужить Вамъ, благодарно воспаленный ревностію и примѣромъ.

IX.

РѢЧЬ, ГОВОРЕННАЯ ПО ОБЪЯВЛЕНІИ ВСЕМИЛОСТИВѢЙШАГО ИМЯННАГО УКАЗА ЕГО ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ, АЛЕКСАНДРУ ИЛЬИЧУ БИБИКОВУ.

Милостивый Государь!

Казанское дворянство приноситъ своей Самодержицѣ всеподданнѣйшее благодареніе за Высочайшую Ея Величества милость, съ коею она усерднѣйшее наше приношеніе воспріять соизволила. Всемилостивѣйшее Ея благоволеніе и покровительство, съ таковымъ материнымъ увѣреніемъ и позднимъ нашимъ потомкамъ будетъ служить дражайшимъ монументомъ неизреченнаго Ея къ намъ милосердія.

Восторгъ нашего теперь обрадованія не допущаетъ больше изъяснить той неоцѣненности, съ какою къ намъ любовію Великая наша Императрица ограждаетъ насъ отъ бѣдствій и опасностей нашихъ, но единственно искренность наша стремится только воздать Царю Царей всеусерднѣйшее моленіе, дабы оправдалъ Онъ Ея щедроты, Ея великодушіе и неусыпное о насъ попеченіе долголѣтнимъ здравіемъ Ея и благоденствіемъ.

А Вамъ, Милостивый Государь, какъ виновнику нашего теперешняго удовольствія и радости, всѣ мы свидѣтельствуемъ величайшее благодареніе за Ваши поданные намъ совѣты, кои учинили жертву сердецъ нашихъ благодарною Великой нашей Самодержицѣ. Продолжайте, Милостивый Государь, къ услугѣ Ея Величества и отечества Вашу къ намъ довѣренность и любовь, которыхъ учинить себя достойными всѣ мы стараться будемъ.

Воспріимите въ свое покровительство избраннаго нами Шефа съ его товарищами, подайте имъ случаи пролить кровь свою за благополучіе отечества нашего и Матери нашей; мы же, будучи очевидно увѣрены въ оруженіи корпуса о ревностныхъ Шефа стараніяхъ, имѣемъ несомнѣнно надежду, что всѣ они положатъ душу свою за возлюбленную нашу Самодержицу.

X.

Копія

СЪ СОБСТВЕННОРУЧНАГО ПИСЬМА ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА КЪ ГОСПОДИНУ ГЕНЕРАЛЪ-АНШЕФУ БИБИКОВУ.

Александръ Ильичъ!

Подражая примѣру вѣрнаго и усерднаго дворянскаго корпуса Казанскаго, повелѣла Я, яко помѣщица той Губерніи, съ Дворцовыхъ волостей, съ каждыхъ двухъ сотъ душъ, всѣмъ отдать по одному рекруту, и обмундировавъ и снабдя лошадью, велѣла присовокупить ихъ къ тому Казанскаго Дворянства военному корпусу, о чемъ чрезъ сіе васъ увѣдомляю, дабы вы о семъ и тамошнему дворянству сказать могли; впрочемъ остаюсь къ вамъ доброжелательна.

ЕКАТЕРИНА.

Генваря 20 числа, 1774 г.

XI.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ МЫ ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ, ИМПЕРАТРИЦА И САМОДЕРЖИЦА ВСЕРОССІЙСКАЯ, И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ.

Нашему Генералу и Лейбъ-Гвардіи Маіору,
Александру Бибикову.

Съ особливымъ удовольствіемъ получили Мы первую и вторую реляціи ваши отъ 30-го Декабря прошлаго года, и 5-го сего мѣсяца, по пріѣздѣ вашемъ въ Казань отправленныя. Все принятое на первой случай распоряженіе ваше Мы Всемилостивѣйше апробуя, повелѣваемъ вамъ объявить всему Нашему Казанскому Дворянству Наше Монаршее благоволеніе, милость и покровительство за оказанный ими достойный поступокъ вѣрности и ревности, толь единодушнымъ между собою соединеніемъ, ко вспоможенію принятымъ отъ насъ мѣрамъ, на совершенное истребленіе свирѣпствующихъ злодѣевъ окрестъ ихъ предѣловъ. Присовокупите вы сему благородному и достойному корпусу всемилостивѣйшее обнадеживаніе Наше, что Мы, пекущіеся неусыпно о благѣ ввѣренной Намъ отъ Бога Имперіи, и видя толь достохвальное дѣйствіе ихъ вѣрности и усердія къ Намъ и Отечеству, поставляемъ себѣ тѣмъ сугубѣйшимъ долгомъ, цѣлость, благосостояніе и безопасность ихъ ничѣмъ нераздѣлимо почитать собственною Нашею и Имперіи Нашей безопасностію и благосостояніемъ, и Вамъ симъ повелѣваемъ новосформированный Казанскимъ Дворянствомъ корпусъ принять въ команду и руководство ваше и употреблять оный, гдѣ и какимъ образомъ вы на мѣстѣ за лучшее усмотрите, обратить въ пользу сей новый опытъ патріотическаго усердія вѣрныхъ и любезныхъ намъ сыновъ Отечества. Впрочемъ пребываемъ Мы вамъ Императорскою Нашею Милостію благосклонны.

Данъ въ Санктпетербургѣ 16-го Генваря, 1774 года.

На подлинномъ собственною Ея Императорскаго Величества рукою подписано тако:

Екатерина.

XII.

Милостивый Государь,
Павелъ Сергѣевичъ!

По предложенію Вашего Превосходительства, въ которомъ дѣлаете честь довѣренностію своею, позволеніемъ намъ рѣшить собою дѣла содержащихся здѣсь преступниковъ, я, обще съ Саввою Ивановичемъ, въ слѣдствіе онаго исполнилъ, а кому что опредѣлено, о томъ теперь прилагаю точную копію съ рѣшительнаго опредѣленія, изъ коего изволите усмотрѣть вину и осужденіе, и мнится, что каждый получаетъ достойное, а о тѣхъ, кои осуждены быть должны строжае, подношу дѣла и испрашиваю вашего рѣшенія; прочимъ же по опредѣленію, какъ найскорѣе исполненіе сдѣлать постараюсь. Яицкимъ и Илецкимъ Казакамъ, опредѣленнымъ учинить наказаніе плетьми, сословился я съ Саввою Ивановичемъ, что какъ онъ теперь по волѣ Вашей поѣхалъ на Яикъ, то проѣздомъ не оставитъ онъ безъ вниманія и Илецкихъ Казаковъ, которые тойже станицы, какъ и Яицкія, и по дѣламъ равные плуты, то чтобъ далъ онъ мнѣ знать, по примѣчанію тамъ изъ другихъ, не будетъ ли иногда сомнительно ихъ въ домы свои отпустить, и не подозрительны ли еще они колебаніемъ, тогда до совершеннаго успокоенія оставить ихъ здѣсь въ вѣдѣніи Губернской Канцеляріи подъ карауломъ, употребляя до того времени въ городовую работу.

За рѣшеніемъ нашимъ оставшимъ колодникамъ прилагаю списокъ. Оные, Милостивый Гоосударь, есть тѣ, отъ коихъ должно намъ изыскать причины толикаго зла, для чего не оставилъ я, по силѣ моего смысла, употребить всевозможное стараніе, но быть можетъ, что найдется и упущенное; почему и совершенную во ономъ исправность ждать ни какъ не осмѣливаюсь, и для того болѣе нетерпѣливо ждалъ я прибытія сюда Вашего Превосходительства, въ чемъ теперь начинаю терять надежду, чтобъ самимъ Вамъ ихъ увидать, и разсмотрѣніемъ уже Вашимъ утвердить то, что мы отъ нихъ открыли. Изъ посланныхъ краткихъ Екстрактовъ, я уповаю, что довольной связи за Вы онаго получить не могли, почему я разсудилъ теперь препроводить къ Вамъ подлинные допросы нѣсколькихъ человѣкъ, яко самыхъ первыхъ, и съ ихъ разнорѣчіями, въ коихъ неоднократно очными ставками и увѣщаніями были соглашаемы, но каждый, однако жъ, на своемъ показаніи утверждается; всѣ же сіи допросы утвердить еще не можно, для сего потребно, чтобъ Чика также, яко изъ первыхъ, показалъ съ ними согласно.

По послѣднему предложенію Вашего Превосходительства, о присылкѣ къ Вамъ копіи съ дѣла Пугачова, я обремененъ будучи множествомъ письма, такъ какъ сочиненіемъ еще Екстракта, болѣе нежели на восемъ сотъ человѣкъ даннаго рѣшенія здѣшнимъ Господиномъ Губернаторомъ, о коихъ онъ спѣшитъ донести Ея Величеству, а имѣя теперь за отлучкою одного писца, съ Саввою Ивановичемъ только двухъ, то копіи списывать замедлится; а какъ здѣсь оно теперь и не весьма нужно, то потому, препровождая подлинное, въ которомъ, въ примѣчаніи позвольте представить, что въ производимомъ у Губернатора на листѣ о содержаніи Пугачова, выскоблено и по скобленному уже написано, и другими чернилами: «Содержать, де, его подъ крѣпкимъ карауломъ въ ножныхъ кандалахъ.» видно, что сіе уже было по побѣгѣ, при томъ нумерованіе листовъ такъ же скоблено, и введены другія. Сожалительно, Милостивый Государь, что никто изъ тѣхъ изверговъ, которые въ нашихъ рукахъ есть и были, не могъ точно открыть способствованіе оному злодѣю въ побѣгѣ его изъ Казани, также и пребываніи его до пріѣзда въ Таловинской Умётъ, ибо, по исчисленію времени, онъ по побѣгѣ не прямо къ Оболяеву пріѣхалъ. Сіе остается видно объяснять самому Пугачеву. По прочтеніи приложенныхъ допросовъ, покорно прошу Ваше Превосходительство возвратити оныя ко мнѣ, такъ же снабдить меня Вашимъ повелѣніемъ, что по отправленіи сего, въ случаѣ вновь приводимыхъ колодниковъ, каждаго ли дѣло для рѣшенія къ Вамъ представлять, или, въ сходственность уже насланнаго отъ Васъ предложенія, маловажныя собою рѣшить?

Къ прежде отправленному къ Вамъ краткому Екстракту рѣшенныхъ дѣлъ, теперь остальныя сочиня, покорнѣйше прилагаю дерзновенныя слова, которыя вралъ солдатъ Аколзинъ, въ опредѣленіе не внесенъ: оныя касались до особы Ея Величества, подобно какъ и многія въ томъ изобличались. За тѣмъ съ истинною къ Вамъ преданностью и отмѣннымъ почитаніемъ навсегда пребудетъ

Вашего Превосходительства,

Милостивый Государь,

покорный и вѣрный слуга,

Александръ Лунинъ.

Августа 12 числа,
1774 года.
Оренбургъ.

XIII.

Копія.

УКАЗЪ НАШЕЙ ОРЕНБУРГСКОЙ СЕКРЕТНОЙ КОММИССІИ.

Всемилостивѣйше повелѣваемъ у пойманныхъ главныхъ сообщниковъ Пугачева спросить: знали ли оные бывшихъ въ толпѣ Пугачева, Яицкихъ Казаковъ, Михайлу Алексѣева сына Симайлова, Степана Баженѣва, Андрея Синевскаго, Федота Евстифѣева сына Добрынина, коихъ примѣты у сего прилагаются, и когда о томъ показано будетъ, то спросить оныхъ показателей, не были ль тѣ Казаки отъ Пугачева куда посланы, когда и за чѣмъ, и какія имъ даны наставленія? Спросить же оныхъ и о томъ, не знали ль они бывшаго при Пугачевѣ тайнымъ Секретаремъ Кабинетскимъ, Ивана Соколова, коего прямое имя Иванъ Мамаевъ, какихъ онъ лѣтъ, и не можно ли описать его примѣты, и въ той ли онъ должности при Пугачевѣ находился, или же имѣлъ особую, и какую именно? и что по сему откроется, Насъ съ нарочнымъ немедленно увѣдомить.

Подлинный подписанъ собственною Ея Императорскаго Величества рукою тако:

ЕКАТЕРИНА.

Мая 26-го дня,
1774-го года.
Въ Селѣ Царскомъ.

Подлинный полученъ 1774 года, Іюня 6 дня.

XIV.

ВСЕПРЕСВѢТЛѢЙШЕЙ, ДЕРЖАВНѢЙШЕЙ, ВЕЛИКОЙ ГОСУДАРЫНѢ, ИМПЕРАТРИЦѢ И САМОДЕРЖИЦѢ ВСЕРОССІЙСКОЙ, ОТЪ УЧРЕЖДЕННОЙ ВЪ КАЗАНИ, ПО ВСЕВЫСОЧАЙШЕМУ ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ИМЯННОМУ УКАЗУ, СЕКРЕТНОЙ КОММИССІИ

Всеподданѣйшій докладъ.

Вчерашняго числа Секретная Коммисія получила несчастливое извѣстіе, что главный оной Коммиссіи Начальникъ сего Апрѣля 9-го числа скончался. А какъ Секретная Коммиссія не имѣетъ такого уполномоченія, чтобъ собою рѣшить дѣла, слѣдствіемъ его оконченыхъ, по коимъ имѣетъ теперь въ содержаніи у себя колодниковъ 169 че-

ловѣкъ, кромѣ жены съ тремя малолѣтными дѣтьми и племянника изверга Пугачева, и потому, повергая себя подъ Высочайшій покровъ Вашего Императорскаго Величества, всеподданнѣйше осмѣливается испрашивать Монаршаго Вашего Указа, на какомъ основаніи ей быть повелѣть соизволитъ.

Покойный Начальникъ сей Коммиссіи до кончины своей далъ повелѣніе старшему члену, Лунину, ѣхать съ Секретаремъ и писцами въ Оренбургъ, для изслѣдованія въ преступленіяхъ тамо содержащихся важныхъ злодѣевъ, 700 человѣкъ, и въ слѣдствіе сего Коммиссія рѣшилась отправить туда, въ разсужденіи такъ великаго числа преступниковъ, двухъ членовъ, Лунина и Маврина, съ Секретаремъ и писцами, кои туда, какъ скоро рѣки позволятъ, крайнѣ и поспѣшатъ, а на случай остающихся и впредь могущихъ быть въ Казани дѣлъ и колодниковъ, оставленъ здѣсь третій членъ, Собакинъ.

У сего Всеподданнѣйше подносится Екстрактъ о рѣшенныхъ въ Коммиссіи, при жизни еще покойнаго Начальника, дѣлахъ.

Подлинный подписанъ тако:

Капитанъ Александръ Лунинъ.
Капитанъ-Поручикъ Савва Мавринъ.
Подпоручикъ Василій Собакинъ.
Секретарь Илья Зряховъ.

Апрѣля 12-го дня,
1774 года.
Казань.

На подлинномъ докладѣ Высочайшее Ея Императорскаго Величества повелѣніе подписано тако:

Копія.

Гвардіи Капитанъ Александръ Лунинъ и Капитанъ-Поручикъ Савва Мавринъ имѣютъ, по предписанію покойнаго Генерала Бибикова, переѣхать въ Оренбургъ, а въ Казань пришлется Гвардіи Капитанъ Волоцкой и Прапорщикъ Городчаковъ, которые, общее съ Подпоручикомъ Собакинымъ, имѣютъ изслѣдовать дѣла тѣхъ колодниковъ, кои по мятежу въ Казань присланы будутъ. Обѣимъ же Секретнымъ Коммисіямъ по дѣламъ имѣть сношеніе и другъ другу помогать должно, рѣшенныя же ими дѣла въ Казань отсылать на

конфирмацію къ Казанскому Губернатору, а кои въ Оренбургъ разобраны будутъ, тѣ для конфирмаціи отсылать къ Оренбургскому Губернатору; при чемъ обѣимъ Секретнымъ Коммиссіямъ рекомендуется, чтобъ они при слѣдствіяхъ сколько возможно отъ пристрастныхъ распросовъ удерживались, и Екстракты по прежнему присылать сюда.

На подлинномъ подписано собственною Ея Императорскаго Величества рукою тако:

ЕКАТЕРИНА.

Апрѣля 25-го дня,
1774 года.
Санктпетербургъ.

Подлинный полученъ въ Оренбургѣ 1774 года, Мая 15 дня.

XV.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ МЫ ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ, ИМПЕРАТРИЦА И САМОДЕРЖИЦА ВСЕРОССІЙСКАЯ, И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ.

Объявляемъ нашимъ Духовнымъ, Военнымъ и Гражданскимъ Начальникамъ, такъ же и каждому изъ нашихъ вѣрноподданныхъ, кому только сей Указъ предъявленъ будетъ.

Какъ Мы для усмиренія и пресѣченія начавшихся въ Оренбургской Губерніи отъ извѣстнаго уже самозванца, Емельяна Пугачева, и сообщниковъ его внутреннихъ безпокойствъ и сущаго бунта, за благо разсудили отправить въ тамошній край съ достаточными войсками нашего Генералъ-Аншефа, Лейбъ-Гвардіи Маіора и Кавалера, Бибикова, и ввѣрить ему въ сей важной и медленности отнюдь не терпящей коммиссіи полную власть дѣйствовать собою на мѣстѣ, по лучшему его усмотрѣнію представляющихся обстоятельствъ, на основаніи Государственныхъ нашихъ Военныхъ и Гражданскихъ Законовъ, того ради Мы всѣмъ Нашимъ Духовнымъ, Военнымъ и Гражданскимъ Начальникамъ, такъ же и каждому изъ Нашихъ вѣрноподданныхъ, кому только сей Указъ, собственноручно подписанный и отверстый, предъявленъ будетъ, именно и точно чрезъ сіе повелѣваемъ, по всѣмъ требованіямъ, или приказаніямъ, помянутаго Ге-

нералъ-Аншефа Бибикова, чинить безъ всякаго отлагательства, упущенія, или отговорки, скорое и непремѣнное исполненіе, подобно какъ бы оныя собственно и безпосредственно отъ Насъ происходили, дабы инако въ дѣлахъ коммиссіи его, которыя для общаго Государственнаго блага и для возстановленія драгоцѣннаго покоя, толико нужны, никакаго препятствія и остановки послѣдовать не могло, въ чемъ каждый за себя и подчиненныхъ своихъ отвѣтствовать будетъ, естьли бъ, паче чаянія, отъ сихъ послѣднихъ, по небреженію его, какая либо медленность, или же и явное непослушаніе, послѣдовать имѣло, чего Мы, однако жъ, ни отъ кого отнюдь не ожидаемъ.

Подлинной подписанъ собственною Ея Императорскаго Величества рукою тако:

ЕКАТЕРИНА.

XVI.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ МЫ ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ, ИМПЕРАТРИЦА И САМОДЕРЖИЦА ВСЕРОССІЙСКАЯ, И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ.

Объявляемъ всѣмъ, до кого сіе принадлежитъ. Нѣтъ, да и не можетъ быть, въ свѣтѣ общества, кое не почитало бы первымъ своимъ блаженствомъ учрежденіе и сохраненіе между разными и всѣми частьми и степенями гражданъ внутренняго благоустройства, покоя и тишины, равно какъ нѣтъ же и бѣдственнѣйшаго пути къ разрушенію и пагубѣ обществъ, какъ внутренніе въ нихъ раздоры и междоусобія. Чрезъ одиннадцатилѣтнее время ввѣреннаго Намъ отъ Промысла Божія и оныимъ до нынѣ благословеннаго царствованія Нашего, не выпускали Мы никогда изъ мыслей Нашихъ сей первоначальной цѣли человѣческаго общежитія, но паче, считая себя предъ Царемъ царей, предъ свѣтомъ и предъ Имперіею Нашею обязанными въ томъ верьховнымъ и священнѣйшимъ долгомъ, неусыпно и всѣми силами старались, найлучше поспѣшествуя оной, искоренить въ конецъ поносное наименованіе варваровъ, подъ которымъ прочіе въ Европѣ Христіанскіе народы продолжали еще, по дѣяніямъ прошлаго вѣка, познавать и почитать Россіянъ, подобно Туркамъ и другимъ нечестивымъ народамъ. Къ неизреченному порадованію Нашего къ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ истинною, прямо Матернею

и никогда неугасаемою, любовью прилѣпленнаго сердца, имѣли уже Мы удовольствіе видѣть и ощущать, что труды Наши въ семъ великомъ подвигѣ начинали, по благости Всевышняго, приносить дѣйствительные плоды, превращая презрѣніе и отверженіе другихъ Христіанскихъ народовъ къ имени Россіянъ въ прямое и многимъ изъ окрестныхъ народовъ завидное уже почтеніе. Кто не утопленъ въ невѣжествѣ и у кого не окаменѣло совсѣмъ сердце къ Отечеству, тотъ не можетъ не познать сей, для славы и величества Имперіи толь важной и полезной, перемѣны.

Но чѣмъ болѣе по времени и по продолжительнымъ Нашимъ неутомленнымъ стараніямъ, въ коихъ обыкли Мы ни мало не щадить собственнаго Нашего покоя въ угодную жертву Всевышнему Подателю всѣхъ благъ, приближалось то время, когда просвѣщеніе, человѣколюбіе и милосердіе, насажденныя и еще насаждаемыя Нами во нравахъ и въ законахъ, предвѣщали и готовили на будущее время Намъ самимъ и потомству Нашему богатую жатву сихъ сладчайшихъ плодовъ: съ тѣмъ вящшимъ оскорбленіемъ и пораженіемъ Материняго Нашего сердца принуждены Мы нынѣ слышать, что бѣглый съ Дону Казакъ, Емельянъ Пугачевъ, скитавшійся предъ симъ въ Польшѣ, по примѣру прежняго государственнаго злодѣя и предателя, Гришки Разстриги, отважившись, даже безъ всякаго подобія и вѣроятности, взять на себя имя покойнаго Императора, Петра Третьяго, тѣмъ не меньше предуспѣлъ въ семъ своемъ, измѣнническомъ и злодѣйскомъ, умыслѣ, съ начала присоединить къ себѣ толпу бродягъ и подобныхъ ему злодѣевъ, а потомъ, съ помощію оныхъ, обольстить и принудить въ сообщеніе себѣ и нѣкоторую часть жителей Оренбургской губерніи. Всякій благоразумный человѣкъ безъ ошибки можетъ разсудить, что ослѣпленіе и приведеніе въ развратъ людей толь грубымъ и всесвѣтнымъ обманомъ, не могли бы имѣть толь бѣдственнаго и печальнаго дѣйствія, естьли бъ не воспособствовало оному глубокое невѣжество, въ коемъ тамошній край, по удаленію своему, болѣе другихъ погруженъ еще былъ. Не для чего теперь изображать здѣсь тѣхъ пагубныхъ слѣдствій, кои по сію пору родились уже отъ вожженнаго Емельяномъ Пугачевымъ огня внутренняго междоусобія. Невинно пролитая кровь вѣрныхъ Нашихъ подданныхъ и истинныхъ сыновъ Отечества сама о себѣ вопіетъ на небо о праведномъ мщеніи надъ симъ извергомъ рода человѣческаго и скаредными его

сообщниками, да и правосудіе Божіе не попустить, конечно, чтобъ измѣна и злодѣйство ихъ, на толь грубомъ и всесвѣтномъ обманѣ основанныя, возмогли долго устоять: ибо Мы не перестаемъ еще надѣяться, что прилѣпившіеся къ Емельяну Пугачеву не отъ злости сердецъ своихъ, цо изъ единаго обольщенія, скоро познаютъ заблужденіе свое и не захотятъ до конца истребленія своего пребыть орудіями скареднѣйшаго и злѣйшаго врага государственнаго.

Содрогаетъ духъ Нашъ отъ воспоминанія временъ, посѣтившихъ Россію бѣдствіями гражданскаго междоусобія; и не истинный тотъ Россіянинъ, кто безъ ужаса и трепета можетъ мыслить о сихъ плачевныхъ, отъ одного невѣжества произшедшихъ, и почти до сего еще времени названія варварскаго народа предъ свѣтомъ Россіи оставившихъ, временахъ, когда отъ явленія многихъ самозванцевъ, обманщиковъ и предателей, города и села огнемъ и мечемъ истребляемы, кровь Россіянъ отъ Россіянъ же потоками проливаема, всѣ союзы, цѣлость государственную составляющіе, собственными же руками Россіянъ въ конецъ разрушаемы были; когда окрестные народы, умножая внутреннюю Нашу напасть непріязненными своими нашествіями, коимъ въ междоусобномъ раздорѣ никто и противиться не помышлялъ, терзали страждущее Отечество во всѣхъ его частяхъ и раздробляли владѣнія онаго по себѣ, и когда, напослѣдокъ, самой Престольный градъ, Москва, безъ брани и сопротивленія иноплеменниками завоеванный, въ рукахъ и подъ властію ихъ чрезъ долгое время въ таковомъ порабощеніи оставался, что тамъ имя Россіянина становилось уже поносно, что святыя Наши церкви отъ части въ Римскіе костелы, а отъ части, о горестнаго и плачевнаго воспоминанія! въ самыя конюшни превращены и осквернены были, и что еще основаніе уже положено было сдѣлать Россію Польшѣ подвластною, слѣдовательно же и святую Нашу Восточную Греко-Каѳолическую вѣру въ конецъ попрать и подвергнуть Римскому стулу, вмѣсто того, что Православная Наша Церковь, въ самой Греціи подъ игомъ злочестія Магометова стенящая, въ одной только Россіи, какъ нынѣ, благословенно процвѣтаетъ, и тогда уже безпечное себѣ пристанище имѣла къ прославленію имени Христа Спасителя Нашего, коего за искупленіе рода человѣческаго изліянная кровь была и въ оное злощастное для отечества Нашего время единымъ Его невидимымъ покровомъ и послѣдовавшимъ за тѣмъ щастливымъ сохраненіемъ и превозможеніемъ надъ супостаты. О, удали

отъ Насъ, Боже, возобновленіе подобныхъ плачевныхъ позорищъ и не допусти, въ благости своей къ Православному своему народу, чтобъ вожженная нынѣ дерзкимъ врагомъ Отечества и нарушителемъ его благоденствія подобнымъ, каковы прежнія были, самозванцемъ, Емельяномъ Пугачевымъ, съ бѣглымъ съ Дону и въ Польшѣ, какъ они, бывшимъ Казакомъ, искра гражданскаго междоусобія въ Оренбургской губерніи могла, при остервенившемся невѣжествѣ ослѣпленныхъ его сообщниковъ, распространиться въ другія стороны и вложить въ руки оружіе брату на брата. Да и въ самое то время, когда уже Имперія Наша отъ нечестиваго и непримиримаго врага святаго имени Твоего, вѣроломною съ его стороны воіною упражнена, по, паче щадя и милуя заблуждающихъ отъ пагубнаго обольщенія овецъ паствы Твоея, обрати праведный Твой гнѣвъ на развращающемъ оное хищномъ волкѣ, Емельянѣ Пугачевѣ, яко единомъ виновникѣ ихъ разврата и осквернителѣ тоіі вѣрности, которою Намъ, отъ промысла Твоего избранной Миропомазанницѣ, клялись любезные Наши поддапные предъ самымъ лицемъ Твоимъ и во святыхъ Твоихъ храмахъ!

Что до Насъ принадлежитъ, сожалѣя Матерински, и по долгу Монаршаго Нашего званія, и по сродному Намъ человѣколюбію, которое всегда способы кротости предпочитать обыкло, гдѣ только оные дѣйствовать могутъ, и страшась наконецъ, дабы не изчерпать втунѣ благости пекущагося о Россіи промысла Божія, въ месть за тѣ звѣрскіяи лютыя беззаконія, которыя нынѣ, противу воли и предѣла Вседержителя Творца, толь нагло возобновляются отъ подлыхъ и въ гнусномъ невѣжествѣ утопающихъ людей, восхотѣли Мы еще, при употребленіи нынѣ ввѣренныхъ Намъ отъ десницы Всевышняго, вмѣстѣ съ скипетромъ Имперіи силъ, слѣдовательно же и праведной строгости противу возмутителей общаго покоя въ Оренбургскій губерніи, испытать оные способы кротости въ пользу тѣхъ, кои еще не вовсе отреклись отъ всякаго человѣческаго понятія и чувствія: и для того, отправляя туда съ полною властію и довѣренностію Нашею, также и съ достаточными войсками на конечное пораженіе сущихъ государственныхъ враговъ и злодѣевъ, Нашего Генералъ-Аншефа, Лейбъ-Гвардіи Маіора и Кавалера, Александра Бибикова, поручили Мы ему обнародовать сей Нашъ указъ, обѣщая здѣсь, въ послѣдній уже разъ, Императорскимъ Нашимъ словомъ, всемилостивѣйше простить и упустить мимошедшее безъ всякаго взысканія всѣмъ тѣмъ, кои

пристали къ самозванцу, Емельяну Пугачеву, и нынѣ въ заблужденіи своемъ и въ пренебреженіи должной Намъ и Отечеству присяги вѣрности раскаявшись чистосердечно, сами собою удалятся отъ его злодѣйства и явятся къ помянутому Нашему, на искорененіе его, Емельяна Пугачева, и сообщниковъ его, именно уполномоченному Генералу-Аншефу Бибикову, или къ кому изъ другихъ Нашихъ, военныхъ, или гражданскихъ, ему подчиненныхъ, начальниковъ, какъ кому гдѣ способнѣе быть можетъ, для безвреднаго спасенія себя отъ толпы злодѣевъ и измѣнниковъ, да и новою клятвою подтвердятъ прежнюю свою присягу вѣрности.

Естьли же кто изъ сихъ, на истинный путь благовременнымъ раскаяніемъ и познаніемъ пагубнаго обмана возвращающихся, сыновъ Отечества, и въ вящшее заглажденіе важнаго своего проступка, добровольно употребитъ себя въ мужественномъ ополченіи и дѣйствительной службѣ при Нашихъ вѣрныхъ и храбрыхъ войскахъ, таковы будутъ уже имѣть право, сверхъ полученнаго единожды въ мимошедшемъ всемилостивѣйшаго прощенія, ожидать и особливаго воззрѣнія на ихъ услуги, по мѣрѣ ихъ важности, чѣмъ Мы напередъ всѣхъ и каждаго порознь чрезъ сіе и обнадеживаемъ.

Безъ чувствительнѣйшаго оскорбленія Матерняго Нашего сердца не можемъ Мы подумать, чтобъ настоящія въ Оренбургской губерніи злоключительныя неустройства съ опустошеніемъ толь многихъ селеній, съ истребленіемъ полезныхъ государству заводовъ и съ толикими убійствами, а найпаче выше сего изображенное живое начертаніе прежнихъ Отечества Нашего бѣдъ, напастей и стыда отъ подобныхъ сему самозванцевъ, кои Россію ставили уже на самомъ краю пропасти и конечнаго разрушенія ея и всего благочестія Нашего, не подвигли на раскаяніе и на отверстый путь исправленія всѣхъ тѣхъ изъ жителей ея и другихъ Нашихъ подданныхъ, кои по одной ихъ простотѣ самозванцемъ обольщены и допустили себя уловить въ согласіе его: почему и не хотимъ сумнѣваться, что сіи послѣдніе сколь скоро увидятъ для себя растворенныя имъ нынѣ двери Монаршаго Нашего милосердія, помилованія и совершеннаго прощенія, не уклоняться тѣмъ, какъ можно скорѣе воспользоваться, дабы инако послѣ въ числѣ сущихъ измѣнниковъ не быть, отъ войскъ Нашихъ безъ всякой пощады преслѣдуемымъ, а напослѣдокъ и преданнымъ праведному, но строгому уже, суду попранныхъ ими законовъ, гдѣ всякое раскаяніе поздно и тщетно было бы; ибо всѣ тѣ, кои въ

неблагодарности своей къ Намъ за всѣ Наши къ общему Отечества благотворенія, за Наше во все время царствованія Нашего оказыванное примѣрное милосердіе, за Нашу кротость, за Наше человѣколюбіе, за Наше правосудіе, за Наше неусыпное попеченіе о пользѣ, славѣ и приращеніи Имперіи, за Наше особенное призрѣніе и покровительство и самыхъ иновѣрцевъ Нашихъ вѣрноподданныхъ, за Наше не меньше ревностное стараніе о истребленіи въ обществѣ мглы погубнаго невѣжества, и за Нашу ко всѣмъ безъ различія вѣрнымъ подданнымъ прямо Матернюю любовь, пребудутъ злостно и упорно при измѣнникѣ Емельянѣ Пугачевѣ, и оставаясь участниками въ измѣнѣ его, какъ злодѣи и враги отечества, нынѣ ли съ оружіемъ въ рукахъ, или же послѣ гдѣ либо взяты, или пойманы, будутъ, отнюдь и ни подъ какимъ видомъ не могутъ и не должны ожидать себѣ помилованія, но паче, какъ въ сей жизни самой строжайшей и неизбѣжной казни, такъ и въ будущемъ вѣцѣ безконечной, но праведной и достойной, муки отъ страшнаго Судіи всего рода человѣческаго, яко изверги онаго и разрушители священнѣйшихъ союзовъ гражданскаго общежитія, слѣдовательно же и оскорбители самыхъ Божественныхъ законовъ и самой Церкви Христовой. Данъ въ Санктпетербургѣ отъ Рождества Христова тысяча семь сотъ семьдесять третьяго года, Ноября двадесятъ девятаго дня, а отъ государствованія Нашего въ дванадесятое лѣто.

Подлинный подписанъ собственною Ея Императорскаго Величества рукою тако:

ЕКАТЕРИНА.

Печатанъ въ Сактпетербургѣ
при Сенатѣ,
Ноября 29 дня, 1773 года. *

XVII.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ МЫ ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ, ИМПЕРАТРИЦА И САМОДЕРЖИЦА ВСЕРОССІЙСКАЯ, И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ И ПРОЧАЯ.

Со особливымъ удовольствіемъ извѣстились Мы чрезъ донесенія Нашего Генерала-Аншефа Бибикова, что Наши вѣрные подданные Казанскоій губерніи, руководствуясь истинною къ Отечеству любо-

* Напечатаный въ 6-мъ томѣ сочиненій А. С. Пушкина, изд. 1855 г., въ числѣ документовъ при его «Исторіи Пугачевскаго бунта,» стр. 293—298, означенъ 23-мъ Декабря и кое въ чемъ расходится съ предлагаемымъ здѣсь въ выраженіяхъ тамъ и сямъ.

вію, самопроизвольно воспріяли на себя содѣйствовать производству и успѣхамъ порученнаго ему важнаго дѣла собственными своими пособіями по крайней каждаго возможности. Таковое ихъ достохвальное рвеніе не можетъ не привлекать на себя и всего Нашего Монаршаго и Матерняго вниманія; и для того восхотѣли Мы симъ Нашимъ манифестомъ ознаменовать взаимно высочайшее Наше къ нимъ благоволеніе, свидѣтельствуя, во первыхъ, благородному Дворянству уѣздовъ Казанскаго, Пензенскаго, Симбирскаго и Свіяжскаго, что единодушный и согласный его подвигъ въ составленіи для общей службы изъ собственныхъ своихъ людей и собственнымъ иждивеніемъ военныхъ конныхъ корпусовъ противу внутреннихъ враговъ, дерзнувшихъ въ буйствѣ своемъ на разрушеніе священной связи повиновенія и на потрясеніе Монаршаго Нашего Престола, утвержденнаго десницею Всевышняго и покровительствующаго устройству, благополучію и тишинѣ всей Имперіи, показываетъ свѣту и настоящихъ Дворянъ истинными и достойными преемниками и подражателями тѣхъ отличныхъ добродѣтелей и заслугъ, кои предкамъ ихъ доставляли по временамъ сіе преимущественное званіе; что они нынѣ добровольнымъ жертвованіемъ не только имущества своего, но и самыхъ жизней своихъ службѣ любезнаго Отечества, оставляя по себѣ потомству новое и живое побужденіе къ равнымъ въ случаѣ нужды подвигамъ, полагаютъ тѣмъ самымъ на будущія времена и новое утвержденіе внутренней государственной тишины, и что, напослѣдокъ, Мы, обыкнувъ воздавать каждому, по мѣрѣ его службы и достоинствъ, праведную мзду, будемъ отъ нынѣ поставлять себѣ сугубѣйшимъ долгомъ цѣлость, благосостояніе и безопасность ихъ ни чемъ нераздѣлимо почитать съ собственною Нашею и Имперіи Нашей безопасностію и благосостояніемъ.

Съ удовольствіемъ же хотимъ Мы воздать здѣсь и вѣрному Нашему Мѣщанству города Казани, принадлежащую ему похвалу за его добрую волю въ составленіи и содержаніи на своемъ иждивеніи одного Гусарскаго эскадрона для одинакаго съ дворянствомъ предмѣта. Сей залогъ отличнаго усердія къ Намъ и Отечеству Казанскихъ гражданъ соотвѣтствуетъ той Монаршей довѣренности, которую Мы къ нимъ имѣли, какъ вѣрнымъ и полезнымъ членамъ государства, а совокупно и умножаетъ оную на будущія времена, присвояя имъ взаимно навсегда Монаршую Нашу милость.

Равнымъ образомъ служитъ къ Высочайшему Нашему благоволенію и оказываемая вѣрность отъ Казанскихъ Татаръ въ сопроти-

вленіи и отраженіи разбойничьихъ набѣговъ самозванца Пугачева. Мы, ожидая отъ нихъ и впредъ подобныхъ къ общей пользѣ услугъ, всемилостивѣйше симъ же обнадеживаемъ ихъ, яко дознанныхъ въ дѣйствительномъ усердіи подданныхъ, какъ достойнымъ нынѣ воздаяніемъ, такъ и впредь непремѣннымъ Нашимъ Монаршимъ призрѣніемъ и покровительствомъ при всѣхъ ихъ настоящихъ законныхъ свободахъ.

А дабы сіе публичное изъявленіе Нашей Императорской милости и Нашего Императорскаго благоволенія ко всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ Казанской губерніи могло навсегда оставаться прямымъ монументомъ ихъ вѣрности, а особливо благороднаго Дворянства, которое единодушнымъ своимъ приговоромъ и собственныя свои жизни службѣ Нашей и любезнаго Отечества на жертву посвятило, повелѣваемъ Мы сей Нашъ манифестъ, напечатавъ, прочесть во всѣхъ церквахъ той губерніи, да и положить въ архивѣ каждаго города по нѣскольку экземпляровъ онаго. Данъ въ Санкпетербургѣ отъ Рождества Христова Февраля двадесять втораго дня, тысяча седмь сотъ семьдесять четвертаго, государствованія Нашего двенадесятаго года.

Подлинный подписанъ собственною Ея Императорскаго Величества рукою, тако:

ЕКАТЕРИНА.

Печатанъ въ Сакпетербургѣ
при Сенатѣ,
Февраля 24-го дня, 1774 года.

XVIII

Extrait d'une lettre de Moscou, le 23 Janvier.

J'ai été avant hier témoin du supplice du monstre Pugatscheff et de sa Bande; j'étois tout près de l'échafaut: cette éxécution s' est faite à la place du Pont de pierre, nommée Ballota, où j'ai vu perdre la tête à Bielobaradoff. On y avoit construit un vaste échafaut en milieu duquel s'élévoit un mât surmonté d'une hune, à laquelle on montoit par 2 echelles Cet appareil fit penser à tous les spectateurs, que le Rebelle alloit être empalé, car personne ne savoit le genre de supplice, auquel il étoit condamné. A 3 angles de l'échafaut. il y avoit des Potences. A 11 heures, avant midi,

les criminels passèrent le Pont de pierre; ceux qui devoient avoir le knut ou être pendus étoient liés 2 à 2. Il y avoit entre eux un jeune gentilhomme, qui étoit condamné à avoir son épée brisée sur sa tête; ensuite venoit Pugatscheff sur un haut Tombereau, barbouillé en noir fait exprés et tiré par des chevaux. Au milieu de ce Tombereau il y avoit un pieu, auquel le criminel étoit lié, assis sur une sellette. Deux Prêtres étoient assis à ses cotés. Son bourreau étoit debout derrière lui, ayant 2 grosses haches plantées sur un billot, j'apperçus visiblement, que cet aspect faisoit une très profonde impression sur les spectateurs innombrables, qui remplissoient la place. On ne remarquoit aucune crainte sur le visage de Pugatscheff. Il étoit assis sur sa sellette, avec beaucoup de présence d'esprit, un cierge allumé à la main, demandant en passant à tout le monde de lui pardonner pour l'amour de Dieu. Lorsqu'il fut descendu au pied de l'échafaut, on lui lut l'Ukase Impérial, qui contenoit la narration de ses abominables forfaits; on lut aussi aux autres criminels les Ukases, qui les concernoient. Un Prêtre les excommunia et les bourreaux saisirent leurs proies.

Pugatscheff monta sur l'échafaut par un escalier; et les 3, qui devoient être pendus avec lui, montèrent chacun à la Potence, qui leur étoit destinée par une échelle; ils furent tous les 4 éxécutés en même temps. On déshabilla Pugatscheff, et il y aida lui-même avec vitesse; on l'étendit sur l'échafaut et par une singulière méprise du bourreau, on lui coupa d'abord la tête; on lui coupa ensuite les 2 mains et les 2 pieds, que l'on montra aux spectateurs avant la tête. Un d'entre-eux, que je crois avoir été un des Juges, censura vivement à haute voix le bourreau de sa méprise; on croit qu' il pourroit bien en avoir le knut. Un bourreau monta ensuite sur la hune du mât, planta la tête du Rebelle sur une pointe de fer, qui la surmontoit et posa les autres parties du corps sur la hune. Pendant ce temps là 3 autres bourreaux avoient pendu les 3 autres criminels aux 3 coins de l'échafaut.

Après cette éxécution on amena Panfilief, il souffrit le même supplice que Pugatscheff, excepté que sa tête ne fut pas plantée sur une pointe de fer, mais mise avec ses membres près de ceux de Pugatscheff. Cet échafaut est encore dans le même état.

Ensuite selon la sentence, que chacun des autres Criminels avoit reçue, on donna le knut aux uns, on arracha le nez à d'autres, on en

marqua d'autres. Je ne m'arretai pas à voir ces différentes éxécutions, qui durérent jusques au soir.

Gazette d'Utrecht. Num. XVIII.

Vendredi 3 Mars. 1775.

Въ этомъ же году той же газеты находятся еще слѣдующія статьи, относящіяся до Россіи: Указъ о переименованіи Яика, № 22; о балѣ, даномъ Григоріемъ Орловымъ (тамъ же); о трудахъ Палласа, Кантемира и Гмелина, № 33; Письмо Фалконета къ Русскому посланнику въ Галѣ, Князю Голицыну о томъ, что онъ отлилъ статую Петра Великаго, № 79; приложеніе и Манифестъ о Запорожскихъ Козакахъ, № 88, 89 и 90.

ПЕРЕВОДЪ

ПИСЬМА ИЗЪ МОСКВЫ ОТЪ 23 ГЕНВАРЯ.

Третьяго дня былъ я свидѣтелемъ казни изверга Пугачева и его шайки; я стоялъ около самаго эшафота. Казнь эта совершилась на площади, называемой Болото, близъ каменнаго моста, гдѣ я видѣлъ отсѣченіе головы Бѣлобородова. Выстроены были большія подмостки, среди которыхъ стоялъ высокій столбъ съ перекладиной на верху, на которую можно было взлѣзать по двумъ лѣстницамъ. Судя по этимъ приготовленіямъ зрители могли подумать, что мятежникъ будетъ посаженъ на колъ, потому что никому не былъ извѣстенъ родъ казни, къ которой онъ былъ приговоренъ. У трехъ угловъ эшафота были поставлены три висѣлицы.

Въ 11 часовъ утра всѣ преступники перешли черезъ каменный мостъ; тѣ, которые должны были быть повѣшены, или наказаны кнутомъ, были связаны попарно. Между ними находился молодой человѣкъ, дворянинъ, которому приговорено было сломать шпагу надъ головой; потомъ ѣхалъ Пугачевъ на высокой, нарочно сдѣланной, телѣжкѣ, вымазанной черною краскою и запряженной лошадьми. Посреди телѣжки находился столбъ, къ которому былъ привязанъ преступникъ, сидѣвшій на скамейкѣ между двумя священниками. Палачъ стоялъ сзади съ двумя топорами на плахѣ. Мнѣ явно было замѣтно, что это зрѣлище производило сильное впечатлѣніе на

многочисленныхъ зрителей, которые наполняли всю площадь. Не замѣтенъ былъ страхъ на лицѣ Пугачева. Съ большимъ присутствіемъ духа сидѣлъ онъ на своей скамейкѣ съ зажженною свѣчею въ рукѣ, прося у всѣхъ прощенія во имя Бога. Когда онъ сошелъ къ эшафоту, ему прочли Царскій Указъ, въ которомъ описаны всѣ его гнусныя преступленія. Прочимъ преступникамъ тоже были прочтены Указы, къ нимъ относящіеся.

Священникъ отлучилъ ихъ отъ Церкви, и палачи схватили свою добычу. Пугачевъ вошелъ на эшафотъ по лѣстницѣ, и каждый изъ трехъ преступниковъ, который долженъ былъ быть повѣшенъ съ нимъ, всходилъ по лѣстницѣ къ предназначенной для него висѣлицѣ. Всѣхъ четверыхъ казнили въ одно время. Пугачева раздѣвали, и онъ съ живостью самъ помогалъ. Его положили на эшафотъ и, по странной ошибкѣ, палачи отрубили голову, потомъ руки, ноги, которыя показали зрителямъ прежде головы. Одинъ изъ нихъ, который, думаю, былъ изъ судей, живо и громко осуждалъ палача за его ошибку. Предполагаютъ, что онъ за это можетъ быть будетъ наказанъ кнутомъ. Одинъ изъ палачей потомъ взлѣзъ на перекладину столба, насадилъ голову мятежника на желѣзный шпиль, находившійся надъ перекладиной, на которую разложилъ прочія части тѣла. Въ то же время три другихъ палача повѣсили трехъ остальныхъ преступниковъ по тремъ угламъ эшафота.

Послѣ этой казни привели Панфилова: онъ перенесъ ту же казнь, какъ Пугачевъ, съ тою разницею, что его голова не была насажена на желѣзный шпиль, но положена, вмѣстѣ съ его членами, рядомъ съ Пугачевскими. Этотъ эшафотъ еще находится въ томъ положеніи.

Потомъ, смотря по приговору, къ которому каждый изъ преступниковъ былъ присужденъ, иныхъ наказывали кнутомъ, инымъ вырывали ноздри, а нѣкоторыхъ клеймили. Я не оставался свидѣтелемъ этихъ различныхъ казней, которыя продолжались до вечера.

Утрехтская газета № 18.

Пятница, 3-го Марта, 1775 г.

Сообщ. Соревнователь **М. ПОЛУДЕНСКІЙ.**

IX

Письмо

И. МИХЕЛЬСОНА КЪ ПЛАТОНУ, АРХИМАНДРИТУ СПАСОКАЗАНСКОМУ.

Высокопреподобнѣйшій Отецъ Архимандритъ,
Милостивой Государь!

Разума, красоты и истины наполненная ваша повѣсть о бѣдственномъ произшествіи города Казани, которую многіе знаменитые въ государствѣ нашемъ мужи достойными превозносятъ похвалами и творцу оныя должную воздаютъ справедливость, между неизчетными оной читателями, читана была и мною.

Вносимые въ нее обо мнѣ собственно похвалы обязываютъ меня къ вамъ всегдашнею благодарностію и производятъ самое жаркое желаніе вашея дружбы: почтите меня оною, Милостивый Государь мой, и будьте удостовѣрены, что я съ истиннымъ почтеніемъ есмь и буду

Высокопреподобнѣйшій Отецъ Архимандритъ,
Милостивый Государь мой,
Вашего Высокопреподобія
всепокорнымъ слугою
Иванъ Михельсонъ.

Февраля дня,
1775 года.
Москва.

X

Увѣщаніе

КЪ ПАСТВѢ ВЕНІАМИНА, АРХІЕПИСКОПА КАЗАНСКАГО И СВІЯЖСКАГО.

Смиренный Веніаминъ, Архіепископъ Казанскій и Свіяжскій, врученной намъ паствы Епархіи нашей, всѣмъ православнымъ сыновомъ мира, здравія и всякаго благополучія отъ Господа Бога желаемъ.

Долгъ пастырскаго нашего званія, хотя и всегда, но наипаче во время кихъ либо явныхъ нестроеній, обязуетъ насъ бдѣти и всевозможное тщаніе прилагати о врученномъ намъ отъ Бога словесномъ стадѣ, проразумѣвая, дабы всякъ ходилъ неуклонно путемъ правымъ своего званія, въ коемъ Богъ его поставилъ, а не по стремнинамъ суемудрія и Богопротивныхъ заблужденій, ихъ же кончина есть погибель. Тѣмъ убо, а не инымъ предложеніемъ и нынѣ отъ сердца подвигшеся, и вамъ о Христѣ чадомъ нашимъ сіе простираемъ слово, съ Петромъ Апостоломъ моляще когождо васъ: Потщитеся, братіе, извѣстно ваше званіе и избраніе творити: сіе бо творяще, не имате согрѣшити ни предъ Богомъ, ниже предъ человѣки (2 Петр. I, 10): предъ Богомъ, яко волю его святую и совершенную исполните: предъ человѣки же, яко здравы и полезны общества члены, въ союзѣ мира и любве пребывающе, къ крайнему общежительства концу, иже есть тишина и благодействіе, и сами достигнути и другимъ споспѣшествовати имате. Аще убо желаніе таковыя въ васъ святыни и цѣломудрія услаждаетъ душу пекущихся о спасеніи вашемъ, то коликая была бы радость видящимъ преспѣяніе вашея вѣры, благонравія, ревности, смиренномудрія и послушанія! Се прямая была бы слава и похваленіе православія вашего предъ языки, ниже, видяще добрая дѣла наша, прославили бы и сами Отца нашего, иже на небеси. Симъ, аки драгоцѣннымъ вѣнцемъ, украсившися, Церковь наша восторжествовала бы, яко матерь о чадѣхъ веселящаяся, блистающи свѣтомъ благочестія во всей подсолнечной.

Но врагъ древній оный вселукавнѣйшій, злый, искони добра ненавидяй, аще и попранъ, не стерпитъ въ райскомъ наслажденіи покоитися Церкви Божіей, но сокрушеннѣй сущей его главѣ безбожія, идолослуженія и ересей слабымъ зловреднымъ своимъ расколовъ и ухищреній хоботомъ покушается отторгнути поне часть нѣкую отъ звѣздъ мысленнаго неба (Апок. XII, 4). Не престаетъ помощію предотечь своихъ, сыновъ погибельныхъ, слѣпыхъ и бѣснующихся человѣковъ, или паче чудовищъ и изверговъ естества, которые ниже взираютъ на бывшая, ниже будущая разсуждаютъ, но нѣкимъ лестнымъ мечтаніемъ услаждающеся, слѣпо стремятся къ своей погибели, тѣхъ, говорю, помощію, или паче безумною и богомерзкою дерзостію, тщится возмутити тишину благословенныя

Россійскія державы, возбудити мятежъ и нестроеніе въ предѣлахъ, Богомъ хранимаго и издревле законными Монархами премудро управляемаго, отечества нашего.

Проклятое сіе во языцѣхъ и варварѣхъ, богоненавистное же въ Христіанѣхъ, злодѣйство, съ бѣдственнымъ терзаніемъ матернія своея утробы, Россія чувствовала уже прежде не единою отъ родныхъ своихъ чадъ, или паче изверговъ, премѣнившихся въ ехидниво порожденіе разныхъ самозванцовъ, яко-то богоотступнаго ростриги Гришки Отрепьева и ему послѣдовавшихъ, потомъ Стеньки Разина и другихъ, лженепитыхъ продерзателей, ихъ же всѣхъ судъ Божій много жити не остави, яко съ Давидомъ всякому глаголати: Видѣхъ (днесь) нечестиваго превозносящася и высящася, яко кедры Ливанскія, и се (паутріе) мимо идохъ, и не бѣ, взыскахъ, и не обрѣтеся мѣсто его; зане яко трава скоро изсохша, и яко зеліе злака скоро отпадоша. Не возмогшимъ бо еще имъ святотатскихъ простерти въ беззаконія рукъ своихъ и отрыгнути глаголы потопныя и словеса ненавистныя на святаго Израилева, абіе разруши Богъ ихъ до конца. Тѣла ихъ, сосуды мерзости и органы діаволи, расторже мечь правосудія Царева и испепели огнь законнаго мщенія его, злыя же души ихъ пресѣли Богъ отъ земли живыхъ, отъ достоянія кроткихъ, отъ жилища святыхъ, въ тартаръ геенскій, идѣже на судъ великаго дне узами вѣчными подъ мракомъ соблюде, имя же ихъ, всегдашняго забвенія достойное, Церковь Православная, по заповѣди Господней, лѣтнюю о благочестивыхъ память творя, предаетъ анаѳемѣ и вѣчному проклятію.

И тако, по свидѣтельству Апостола Іуды, въ прекаяніи Корреовѣ и въ дѣлѣхъ нечестія своего тѣломъ, душею и именемъ вѣчно погибоша.

О крайняго нечувствія! Аще сіе кого устрашаетъ: таковый судъ Божій на нечестивыхъ возмутителей Церкви его и на святотатцевъ, похищающихъ честь, славу и власть законныхъ помазанниковъ его изложенный, и самаго, мню, ожесточеннѣйшаго сердцемъ, и на всякіе пороки аки мска упорно стремящагося, былъ бы силенъ обуздати и привести въ познаніе своея должности. Но, о болѣзненнаго воздыханія! Привидоша и нынѣ нѣцыи человѣцы, древле на геенское оное осужденіе предуставленіи, нечестивіи, Бога нашего благодать прелагающіи въ скверну, о Господствѣ нерадящіи, про-

дерзатели, себѣ угодницы, славу хуляще не трепещущи (2 Петр. III, 3, 10), яснѣе рещи: сонмище богомерскихъ мятежниковъ, предводительствуемое сыномъ тмы и ада, другомъ бѣсовъ и наперсникомъ сатанинскимъ, нечестивымъ роскольщикомъ, Церкви благочестивой, а потому и законной власти Царской не повинующимся, слѣпымъ вождемъ глупыхъ, бѣглымъ Казакомъ (по природѣ мятежнымъ), Емельяномъ Ивановымъ сыномъ Пугачевымъ, который, какъ многимъ извѣстно, да и изъ высокомонаршаго объ немъ Октября 15 дня изданнаго манифеста явственно, пресмыкаясь по разнымъ въ другихъ странахъ раскольническимъ скитамъ, наконецъ, собравъ сонмище нечестивыхъ, себѣ подобныхъ, злодѣевъ, изъ Яицкихъ селеній дерзнулъ святотатски похитить и присвоить себѣ имя покойнаго Императора Петра Третьяго, и тѣмъ, паче же мечемъ, ово устрашая малодушныхъ, ово коварствомъ, яко волкъ, овчею кожею покровенный, прельщая несмысленныхъ, привлекаетъ къ Богопротивной своей измѣнѣ, въ нарушеніи клятвы и данной правильной Государынѣ присяги, обѣщая всѣмъ, къ нему прилѣпившимся, аки сатана искушаемому Христу Господу, мечтательная царствія земная, чѣмъ отступникъ онъ и вторый предатель Іуда малоразсудныхъ людей приводитъ во развращеніе и совершенную погибель (Мат. IV, 9).

О вещь, Христіянству поносная и всегдашнихъ горькихъ слезъ достойная! Увы злоключенія временъ нашихъ! Како Христоименитые людіе, свѣтомъ правовѣрія просвѣщенные, о камень соблазна бѣдственно преткнушася! Како сынове Россійстіи, вѣрностію къ своимъ Государямъ, усердіемъ къ отечеству древнія и новыя времена удививши, въ вѣчной порокъ отступства и предательства безумно поползнушася! Егда не вѣдѣху словесъ самаго Бога, усты Соломоновыми реченныхъ: Мною царіе царствуютъ, и сильные пишутъ правду (Притч. VIII, 15). Егда николи же слышаша Даніила Пророка, въ слухъ всего міра вопіюща: Да увѣдятъ, рече, живущіи на земли, яко владѣетъ вышній царствомъ человѣческимъ, и ему же восхощетъ, дастъ е. (IV. 14). Отъ сихъ словесъ увѣдѣвше, яко законные царіе, сущіе власти отъ Бога учиненныи, по волѣ его царствуютъ, егда не можетъ и самый невѣжда заключити, яко противу хотѣнія его о себѣ пріемлющіе высокое титло, сіи суть богопротивницы, ополчающіися противу самаго Царя Царей, по слову Апостола Павла (Римл. XIII, 2): Противляяйся, говоритъ онъ,

власти, Божію велѣнію противляется; противляйся же, грѣхъ себѣ пріемлетъ, грѣхъ же не точію въ жизни сей безъ пощадѣнія наказуемый, но и въ будущей весьма непростительный; боязненно есть впасти въ руцѣ человѣческія; но коль страшнѣе впасти въ руцѣ Божіи, имущаго власть тѣло и душу воврещи въ геенну огненную (Матѳ. X, 28).

Сего ради къ вамъ, возлюбленные о Христѣ чада, соблюдшимъ доселѣ вѣру къ Богу и вѣрность къ истинной своей Государынѣ и отечеству не нарушившимъ, обращаемъ слово: трезвитеся разумомъ, бодрствуйте въ вѣрѣ, стойте непоколебимо въ данной вами присягѣ и крестномъ цѣлованіи предъ Богомъ, обѣщаніи, яко и смертію запечатлѣти вамъ любовь и покореніе къ высочайшей власти, мужайтеся противу всѣхъ ратоборцевъ, льстецовъ и нарушителей общія тишины и благоденствія. Утверждайтеся и утверждайте въ благодушномъ повиновеніи Господа ради, аще Монархинѣ, яко законно преобладающей, аще ли же княземъ, яко отъ нея посланнымъ: служители бо Божіи суть, во истое сіе пребывающе и не безъ ума мечь носяще, но во отмщеніе злодѣямъ, въ похвалу же благотворцемъ, тѣмъ же потреба повиноватися имъ не токмо за гнѣвъ, но и за совѣсть; сего бо ради и дани даете имъ, не на иждивеніе въ сластѣхъ, но на стяжаніе вашея безопасности и благополучія (Іак. IV, 3). Елицы суть подъ игомъ, суть раби, своихъ Господій всякія чести да сподобляютъ, пребывая во всемъ благоугодныи, непрекословныи, некрадущіи, но вѣру всяку являюще благу, да имя Божіе не хулится и ученіе, не точію же дѣломъ противная власти творити грѣхъ есть но мыслити и глаголати хульныя тако кроткимъ, яко и строптивымъ не подобаетъ; любы бо Христіянская не мыслитъ зла никому же (1 Кор. XIII, 5), и князю людей злословити запрещаетъ самъ Господь; познавайте Духа Божія, и духа лестча (Исх. XXII, 28), не всякому духу вѣруйте, но искушайте духи, аще отъ Бога суть (1 Іоан. IV, 1). Иже бо здраваго и мирнаго ученія вамъ не приноситъ, сей есть Антихристовъ, не пріемлете его и радоватися ему не глаголите: (2 Іоан. II, 10), но иждените таковаго отъ среди васъ, и предайте къ осужденію и наказанію учиненнѣй отъ Бога власти (1 Кор. V, 2). Станите препоясани чресла ваши истиною и пріимите въ защищеніе правды вся оружія Божія, яко возмощи вамъ противу кознемъ діавольскимъ, (Еф. VI, 16), противу нарушителей вѣры и преданій церковныхъ

противу хулителей чести и похитителей власти Царской, словомъ противу всѣхъ безумныхъ свободолюбцевъ, покой души и жизни вашей, тако жъ чинъ Государственный дерзостно возмущающихъ. Вѣдите, яко защищая вѣру, законъ, преданія и поборая за славу Государей и цѣлость отечества, тѣмъ самимъ подвизаемся за честь Божію и свое спасеніе, соблюдаемъ наше и ближняго благополучіе. Въ семъ благомъ намѣреніи Господь силъ поможетъ вамъ и препояшетъ васъ силою свыше, споборетъ же вамъ купно съ Нимъ и весь міръ на безумныя, глаголющыя на праведнаго гордыню и уничиженіе; крѣпко уповайте, яко не дремлетъ, ниже спитъ, храняй Израиля (Пс. CXX, 4); не укоснитъ Богъ отмщеній сотворити месть беззаконнымъ, въ скорбленіе бо помазанныхъ его, имъ же и прикасатися не повелѣваетъ. Расхищеніе и сквернодѣйство давно уже вопіютъ во уши Господа Саваоѳа; по сему вскорѣ не оставитъ жезла грѣшныхъ на жребіи праведныхъ.

И сіе не отъ себе, но отъ истинныхъ словесъ Божіихъ предложити потщихомся, споспѣшествуя ревности кроткихъ и послушливыхъ сыновъ Церкви святительскимъ нашимъ благословеніемъ и молитвою. Миръ на нихъ и милости Божія! Непокоряющихся истинѣ сей, по даннѣй намъ отъ Христа, пастыреначальника власти, связуя нерѣшимыми узами отлученія отъ Церкви и жребія вѣрныхъ въ сей жизни, въ будущей же достоянія святыхъ! Аминь, Аминь.

Сочин. Платонъ, Архимандритъ Спасоказанскій.

Сообщ. **Д. ЧЛ. АРХИМАНДРИТЪ МАКАРІЙ.**

Октября дня,
1773 года.

XI

СЕКРЕТНОЕ ПРЕДПИСАНІЕ ОРЕНБУРГСКАГО ГУБЕРНАТОРА, КНЯЗЯ ВОЛКОНСКАГО, ШЕФУ РЫЛЬСКАГО МУШКЕТЕРСКАГО ПОЛКА, ГЕНЕРАЛЪ-МАІОРУ ОКУЛОВУ.

По настоящимъ смутнымъ Европейскимъ обстоятельствамъ предлежитъ долгъ каждому начальнику брать всѣ мѣры предосторожности, необходимо нужныя къ обезпеченію какъ внѣшняго, такъ и внутренняго спокойствія и къ сохраненію тишины. Малѣйшее упущеніе въ таковомъ критическомъ положеніи можетъ имѣть вредныя послѣдствія. Извѣстно уже, что политика Французскаго Правительства такова, что оно разными своими происками старается чрезъ своихъ шпіоновъ узнавать положенія другихъ державъ, разсѣвать неблагонамѣренныя мысли, кои могутъ стремиться къ испроверженію общественнаго порядка и возбуждать въ людяхъ неблагомыслящихъ недовѣрчивость къ національному правительству. Семидесятые годы представляютъ сему доказательство. Тогда хитрые Французы не упустили отправить въ Уральскъ своихъ секретныхъ посланцовъ, кои, можетъ быть, имѣли величѣйшее вліяніе на тогдашнія кровопролитныя происшествія. Сіи прошедшія и настоящія обстоятельства поставляютъ меня въ обязанность предложить Вашему Превосходительству о принятіи всѣхъ мѣръ предосторожности, чтобы какъ изъ за границы, такъ и изъ внутри Россіи не могъ прокрасться въ Уральскъ таковой шпіонъ, какой бы онъ націи и подъ какимъ бы видомъ ни былъ. И ежели таковой подозрительной человѣкъ окажется, то тотъ часъ, схвативъ его, посадить подъ караулъ и меня увѣдомить.

Возлагая сію предохранительную обязанность на Ваше Превосходительство, я надѣюсь, что Вы, по извѣстному мнѣ Вашему благоразумію, ничего не упустите изъ виду по сему важному и тайному предмету, что только можетъ и должно относиться къ храненію спокойствія въ ввѣренномъ Вамъ мѣстѣ.

Подлинный подписалъ:

Генералъ отъ Кавалеріи Кн. Г. Волконскій.

Оренбургъ.
Октября 24 дня,
1805 года.

XII

ПОКАЗАНІЕ ЯИЦКИХЪ КОЗАКОВЪ, МИХАИЛА ПАШАВА И АѲАНАСЬЯ ШЕРСТИНКИНА.

Оные находились на службѣ въ Кизлярѣ, въ корпусѣ Де-Медема. * И стоя въ городѣ Кизлярѣ сего года (1774) въ Февралѣ мѣсяцѣ, слышали отъ тамошнихъ пребывающихъ разнаго званія людей, что въ томъ городѣ подбрасываютъ пасквильныя письмы, въ которыхъ, де, написано, что здѣсь ** явился Государь Петръ Третій (что нынѣ

---

* Въ составѣ пятисотенной Козацкой команды.

** Надо разумѣть Яицкій городокъ, потому что допросы берутся въ этомъ городкѣ, въ концѣ 1774 года.

оказался злодѣй и разбойникъ Пугачевъ). Почему, де, они, будучи тогда командированы въ походъ къ Моздоцкой крѣпости, согласясь всего 29 человѣкъ, по выѣздѣ изъ Наурской станицы, бѣжали съ намѣреніемъ, чтобы пробраться сюда въ Яицкой городокъ къ помянутому злодѣю Самозванцу, однако уже, де, за разбитіемъ ево войсками Ея Императорскаго Величества, къ нему совокупиться имъ не удалось, и будучи на рѣчкахъ Узеняхъ товарищи ихъ переловлены, а они, проѣхавъ во Опчій Сыртъ, къ Козаку Есыреву присоединились, съ которымъ бывъ, что во его допросѣ показано, все до поимки ихъ чинили.»

Показаніе Козаковъ Пашава и Шерстинкина списано съ черноваго, сохранившагося, въ числѣ другихъ, въ Архивѣ Уральской Войсковой Канцеляріи. Показаніе же Козака Есырева, на которое ссылаются Пашавъ и Шерстинкинъ, само по себѣ не важно; содержаніе его въ томъ, что Есыревъ съ партіею Козаковъ блуждалъ по Общему Сырту, сражался съ командами, дѣйствовавшими противу Пугачевскихъ партій, а потомъ пойманъ съ товарищами своими старшиной М. М. Бородинымъ, и что «онаго злодѣя Пугачева (слова Есырева), смотря на другихъ, свою братію, за Государя признавалъ и къ рукѣ къ нему подходилъ.» Вообще изъ черновыхъ показаній, сохранившихся въ Архивѣ Ур. В. Канцеляріи, видно, что главнымъ и преобладающимъ желаніемъ допрашивающихъ было узнать отъ допрашиваемыхъ, признавали ли они Пугачева за Государя и подходили ли къ рукѣ его. И всѣ отвѣчали почти то же, что отвѣчалъ и Есыревъ, т. е., «смотря на другихъ, свою братію» и т. д. А одинъ Козакъ Илецкой станицы, Ларіонъ Шерстобитовъ, между прочимъ выразился такъ: «А во время жъ имъ, Самозванцемъ, взятья нашей Илецкой станицы, хотя при оной станицѣ я и былъ, токмо находился весьма болѣнъ, и за оною болѣзнею реченнаго Самозванца персонально самъ не видалъ, да и къ рукѣ къ нему не подходилъ.» Но все это частности, не имѣющія здѣсь мѣста. Скажемъ слова два о показаніи Пашава и Шерстинкина. Изъ него видно, какъ былъ широкъ и глубокъ заговоръ, разразившійся Пугачевскимъ бунтомъ. Тутъ уже пахнетъ чѣмъ-то большимъ, высшимъ, а никакъ не хуторомъ Козака Шелудякова, гдѣ, по словамъ Пушкина, родился заговоръ. Одно уже то замѣчательно, что Кизляръ въ 1770 годахъ, въ административномъ и политическомъ отношеніи, былъ тѣмъ же, чѣмъ, на примѣръ, была Варшава въ 1830 годахъ.

О секретномъ предписаніи Князя Волконскаго, писанномъ къ генералу Окулову, находившемуся въ Уральскѣ съ регулярными войсками, для противодѣйствія Козачь-

ему движенію, возникшему было, въ 1804—1806 годахъ, по поводу нѣкоторыхъ реформъ, объ этомъ секретномъ предписаніи, добытомъ мною въ подлинникѣ, слѣдуетъ сказать только вотъ что: во первыхъ, семидесятые годы суть годы Пугачевщины; во вторыхъ, Князь Волконскій, какъ современникъ тої эпохи и какъ высшее административное лицо, могъ знать кое-что многое, чего мы пока еще не знаемъ. *

І. ЖЕЛѢЗНОВЪ.

Ноябрь, 1859 г.
Москва.

---

* Въ подтвержденіе тому сличите также письма Графа Алексѣя Григорьевича Орлова изъ Италіи къ Императрицѣ Екатеринѣ II-й объ извѣстной Принцессѣ Таракановой, помѣщенныя въ послѣдней книжкѣ «Русской Бесѣды» 1859 года.

О. Б.

LE My '09

LIBRARY OF CONGRESS
0 029 997 607 5